

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

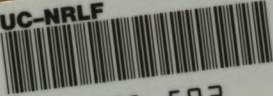
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

DK
1
578
no. 1

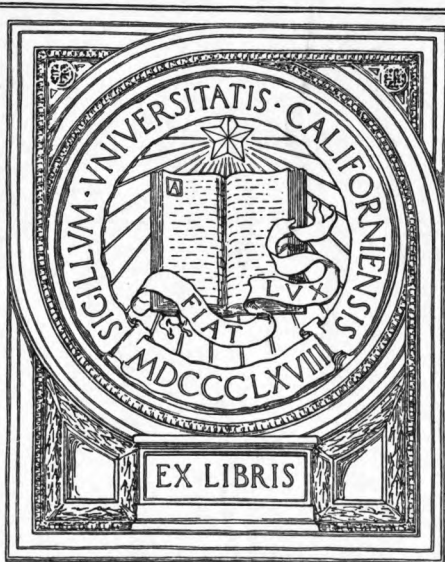
UC-NRLF

B 3 071 502

YC 71558

·FROM·THE·LIBRARY·OF·
·PAUL N·MILIUKOV·

EX LIBRIS

Т.е

S v o b o d a

Свобода

i
и

к

и

+

и

р

а

Культура

№ 1

1 АПРѢЛЯ 1906 Г.

Содержаніе:

- А. Кизеветтеръ.** Консерватизмъ и наши „правыя“ партіи.
 - С. Булгаковъ.** Вѣнецъ терновый.
 - В. Бажаевъ.** Къ вопросу о предстоящей аграрной реформѣ.
 - С. Котляревскій.** Смертная казнь и государственные интересы.
 - Г. Штильманъ.** Бойкотъ и его проповѣдники.
 - П. Струве.** Замѣтки публициста.
-

СВОБОДА И КУЛЬТУРА

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

подъ редакціей С. Л. ФРАНКА

при ближайшемъ участіи

Петра Струве

Второй
выпуск

1 АПРѢЛЯ 1906 г.

№ 1

MILNEOV LIBRARY

TO THE
LIBRARY

Типографія Сиб. Т-ва Печ. и Изд. дѣла „Трудъ“. Фонтанка, 86.

DKI
578
no.1

Консерватизмъ и наши „правыя“ партіи¹⁾.

Однимъ изъ ближайшихъ слѣдствій установленія въ Россіи настоящей политической свободы явится нарожденіе на Руси *политическаго консерватизма*. При отсутствіи свободы политическій консерватизмъ немислимъ, и исторія русскаго общества въ эпоху полного торжества деспотическаго произвола можетъ служить лучшимъ подтвержденіемъ справедливости этого на первый взглядъ столь парадоксальнаго положенія. Въ деспотической Россіи не было и не могло быть консервативныхъ общественныхъ группъ. По незнанію или по небрежности стили мы называли иногда консерваторами Каткова, кн. Мещерскаго, г. Грингмута и имъ подобныхъ. Но развѣ злопыхательное стремленіе къ ниспроверженію всѣхъ сколько-нибудь благообразныхъ общественныхъ начинаній можетъ имѣть что-нибудь общее съ консерватизмомъ, т. е. съ стремленіемъ къ охраненію и укрѣпленію опорныхъ основъ общежитія? Развѣ Аттила, хваставшій тѣмъ, что въ мѣстностяхъ, гдѣ ступала нога его коня, переставала расти трава,—былъ консерваторъ? Развѣ салтыковский Угрюмъ-Бурчеевъ, спалившій управляемый имъ городъ и желавшій во что бы то ни стало «извести» рѣку, этотъ городъ питавшую,—былъ консерваторъ?

Консерватизмъ предполагаетъ собою чувство почтенія къ извѣстному кругу достигнутыхъ общежитіемъ культурныхъ успѣховъ и стремленіе охранить этотъ кругъ отъ преждевременныхъ и рискованныхъ потрясеній.

Консерватизмъ предполагаетъ собою нѣкоторый предварительно нажитый обществомъ моральный капиталъ наряду съ способностью по достоинству оцѣнивать его значеніе. Консерватизмъ—есть дѣтище прогресса, а большіе и маленькіе Атиллы,—Аракчеевы и Грингмуты, дышащіе злобой противъ всякихъ завоеваній культуры,—одинаково не могутъ имѣть ничего общаго ни съ прогрессомъ, ни съ консерватизмомъ. Это просто прирожденные опричники, наѣздническіе подвиги которыхъ не падаютъ ни благотворныхъ побѣговъ новизны, ни почтенныхъ памятниковъ старины. Атмосфера произвола, въ которой жила Россія, вырабатываетъ ретроградное мракобѣсіе, но она неспособна къ выращиванію политическаго консерватизма. У насъ лично нѣтъ вкуса

¹⁾ Предлагаемая статья была написана еще до выборовъ. Исходъ выборовъ блестяще подтвердилъ основную мысль автора о культурно-политической несостоятельности нашихъ мнимо - „консервативныхъ“ партій. *Ред.*

къ консерватизму, но это обстоятельство не мѣшаетъ намъ признать, что просвѣщенный и добросовѣстный консерватизмъ играетъ свою законную роль въ общей экономіи политической жизни свободнаго народа.

И вотъ, въ ожиданіи установленія въ Россіи настоящей политической свободы, намъ было бы интересно уловить очертанія этого, еще не существующаго, но гдѣ то въ сокровенныхъ тайникахъ назрѣвающаго будущаго русскаго консерватизма. Когда минуютъ великіе дни политическихъ испытаній, когда текущая политическая работа войдетъ въ русло правильно дѣйствующихъ конституціонныхъ учреждений,—тогда намъ придется вести послѣдовательную борьбу съ консервативными элементами народнаго представительства. Не мѣшаетъ уже теперь, въ предвидѣніи этой борьбы, прослѣдить за самыми зачаточными очертаніями тѣхъ зародышевыхъ формъ нашего будущаго противника, которые только еще слагаются на нашихъ глазахъ.

Это полезно для будущаго. Когда мы сойдемся на парламентской аренѣ свободной политической борьбы лицомъ къ лицу съ представителями русскаго консерватизма, мы только выиграемъ отъ предварительнаго близкаго знакомства съ исторіей зарожденія, роста и воспитанія нашего противника. Гдѣ же искать матеріала для наблюденія за эмбрионами русскаго политическаго консерватизма? Матеріалъ на лицо: это—программы нашихъ, такъ называемыхъ, *правыхъ конституціонныхъ партій*. Есть у насъ, правда, партіи *правыхъ антиконституціонныхъ*. Но эти организаціи къ интересующему насъ вопросу не имѣютъ никакого отношенія. Это—не зародыши какихъ-либо вновь возникающихъ политическихъ формаций, это просто дикое мясо, наросшее на умирающемъ старомъ политическомъ порядкѣ. Это—«Бѣлая Арапія» русскаго политической мысли, которая скоро будетъ нуждаться въ некрологѣ, а не въ эмбриологическомъ изслѣдованіи.

Итакъ, мы ограничимъ поле нашихъ наблюденій предѣлами *правыхъ конституціонныхъ* партій въ Россіи нашихъ дней. Намъ будетъ интересоваться не столько разборъ ихъ политическихъ программъ (программы эти все равно не выдержатъ долгаго искуса въ ихъ теперешней формѣ), сколько опредѣленіе тѣхъ общихъ *типовъ политическаго мышленія*, которые вырисовываются на фонѣ этихъ программъ и съ которыми намъ предстоитъ нѣкогда встрѣтиться на скамьяхъ правой стороны будущаго русскаго парламента.

Отбрасывая мелкія или промежуточныя партійныя группировки, я отношу къ правымъ конституціоннымъ партіямъ, болѣе или менѣе типичнымъ для переживаемаго нами политическаго момента: 1) царистовъ-конституціоналистовъ, 2) партію торгово-промышленную и 3) союзъ 17-го октября. Я присоединилъ бы сюда еще партію пра-

нового порядка, если бы эта партія не успѣла уже дать во всѣхъ направленіяхъ такихъ глубокихъ трещинъ и пробоинъ, которыя могутъ отправить ее окончательно ко дну, быть можетъ еще прежде, чѣмъ настоящая статья успѣетъ побывать въ типографіи.

Общій выводъ, получающійся отъ знакомства съ названными выше правыми конституціонными партіями, сводится къ тому, что всѣ эти партіи еще весьма далеки отъ истиннаго политическаго консерватизма. Это еще только переходныя ступени частью отъ былого ретроградства, частью отъ обывательскаго индиферентизма добраго стараго времени, къ нѣкоторымъ зародышевымъ формамъ настоящаго консерватизма.

Царисты-конституціоналисты—первая ступень, торгово-промышленная партія—вторая ступень и союзъ 17-го октября—ступень третья. Такая характеристика названныхъ партій можетъ, впрочемъ, вызвать два недоразумѣнія, которыя я и спѣшу предупредить. Во-первыхъ, было бы ошибкой предположить, что мы, отводя союзу 17-го октября роль третьей ступени на этой лѣстницѣ, считаемъ эту партію уже окончательнымъ преддверіемъ въ область настоящаго конституціоннаго консерватизма въ западно-европейскомъ смыслѣ этого слова. Нѣтъ, третья ступень еще не есть послѣдняя и, если интересующая насъ лѣстница пока кончается на третьей ступени, то это значить только, что лѣстница еще не достроена и ея верхній край пока торчитъ въ пустомъ пространствѣ. Какое значительное пространство отдѣляетъ членовъ союза 17-го октября отъ настоящихъ консерваторовъ западно-европейскаго типа, это мы постараемся показать въ послѣдующемъ изложеніи. Второе недоразумѣніе, которое мы хотѣли бы заранѣе устранить, можетъ заключаться въ томъ предположеніи, что люди, стоящіе на болѣе высокихъ ступеняхъ этой «черной» лѣстницы русскаго конституціонализма, менѣе опасны для дѣла завоеванія русской политической свободы, чѣмъ люди, стоящіе на нисшей ступени; что, напримѣръ, рядовая масса «союза 17-го октября» менѣе опасна для названной цѣли, чѣмъ царисты, не поднявшіеся выше первой ступени. Я лично убѣжденъ какъ разъ въ обратномъ и думаю, что младенческій политическій лепетъ «царистовъ» болѣе безвреденъ въ настоящий моментъ, чѣмъ скользкая, какъ ужъ, нетвердая и сбивчивая рѣчь конституціоналистовъ изъ союза 17-го октября. Въ послѣдующемъ изложеніи я постараюсь обставить доказательствами и это второе мое утвержденіе.

Пройдемся же по трехступенчатой лѣстницѣ, о которой только что говорилось, и посмотримъ, съ кѣмъ мы тамъ можемъ встрѣтиться. Я раздѣлил бы всѣхъ стоящихъ на этой лѣстницѣ людей на три категоріи. Это —1) политическіе дикари (царисты), 2) торжествующіе

стяжатели (торгово-промышленная партія) и 3) представители *общественнаго конституціонализма* (союзъ 17-го октября).

Познакомимся со всѣми поочередно.

Чрезвычайно весело читать программу царистовъ-конституціоналистовъ¹⁾. Отъ нея вѣетъ милой непосредственностью дѣтей природы, которые раздобыли гдѣ-то кое-какія побрякушки и разноцвѣтныя тряпочки съ наряда цивилизованныхъ людей, нацѣпили эти находки на свое ничѣмъ не прикрытое тѣло и пляшутъ беззаботно, не замѣчая и не понимая, какъ нелѣпо выглядятъ ихъ новые уборы среди первобытной дикарской обстановки ихъ жизни. Сами они довольны и веселы. Чего же больше? Мы можемъ только позабавиться этимъ любопытнымъ зрѣлищемъ и пройти мимо. Бояться этихъ людей не приходится. Считаться съ ними нечего. Это — люди, еще почти цѣликомъ принадлежащіе къ «Бѣлой Арапіи» и лишь впервые знакомящіеся съ кое-какими подробностями костюмовъ и оборотовъ рѣчи иного, имъ невѣдомаго міра.

Гдѣ то они услышали, что слѣдуетъ бранить бюрократію и требовать конституціи. И вотъ, къ удивленію своихъ ближайшихъ друзей — «истинно-русскихъ людей Грингмутовскаго прихода» — они заявляютъ въ своей программѣ о «непригодности нашей государственной машины, разьединенной бюрократизмомъ и находящейся подъ олигархическимъ управленіемъ министровъ». Итакъ, — конституція! Да, но такая, которая бы не умалила объема царской власти! «Царь — пишутъ царисты — поручаетъ избраннымъ самимъ народомъ людямъ править дѣлами государства», но отъ этого значеніе царской власти не должно уменьшиться. Самодержавная конституція... Мы не удивимся, если гг. царисты при такой философской способности «снимать противорѣчія» допишутся когда-нибудь и до «*всероссійской императорской республики*»... Дальше идетъ еще интереснѣе.

Царисты обнаруживаютъ завидную способность самые сложные вопросы сжимать въ краткія и выразительныя формулы. Поэтому ихъ программа во многихъ частяхъ ярко выдѣляется изъ всѣхъ другихъ партійныхъ программъ своей своеобразностью. Такъ § 4, посвященный церковно-религіозному вопросу, выраженъ коротко и ясно въ восьми словахъ: «царисты вѣрятъ въ Бога и уважаютъ всякую религію». Не менѣе удачно разрѣшенъ въ программѣ (§ 6) польскій вопросъ: «царисты братски протягиваютъ руку единокровнымъ полякамъ». Неправда ли насколько это яснѣе и опредѣленнѣе

¹⁾ Цитирую по изданію „Полный сборникъ платформъ всѣхъ русскихъ политическихъ партій“. Изданіе „ННШ“. Спб. 1906.

всякихъ разсужденій объ унитаризмѣ, федерализмѣ и автономіи? Протянулъ руку и конецъ, затѣмъ все можетъ оставаться по старому... Но въ особенности замѣчательна та часть программы царистовъ, которая посвящена внѣшней политикѣ Россіи. Здѣсь читаемъ: «всѣ неудачи внѣшней политики Россіи связаны съ невмѣшательствомъ Россіи въ англо-бурскую распрю. Представлялся небывалый случай выступить въ защиту горсти героевъ, съ молитвой замиравшихъ родину отъ сильнаго врага, да за одно помирить Германію съ Франціей на счетъ Англіи. За грѣхъ передъ бурами мы несемъ и кару». Ну, не правда ли какая веселая программа? И неужели у кого-либо повернется языкъ обвинить гг. царистовъ въ консервативной политикѣ? Въ ихъ программѣ нѣтъ ни одного атома консервативной политики уже по той причинѣ, что въ ней вообще нѣтъ никакой политики. Это—милый лепетъ взрослыхъ младенцевъ, которые подъ влияніемъ окружающей ихъ обстановки захотѣли поиграть въ партію. И насколько же пріятнѣ этотъ конституціонный лепетъ того мрачнаго злопахательства, которымъ объаты ближайшіе пріатели царистовъ — «истинно-русскіе люди», пасомые г. Грингмутомъ?

Но довольно, поднимемся на вторую ступеньку. Картина рѣзко мѣняется. Предъ нами люди, которые прекрасно знаютъ, чего имъ нужно, и глубоко вѣрятъ въ то, что они въ силахъ настоять на своихъ желаніяхъ. Отсюда — ихъ апломбъ и самодовольство. Впрочемъ, желанія этихъ людей очерчены весьма точными предѣлами. Они не любятъ «отвлеченныхъ принциповъ» и согласны говорить только о «дѣлахъ». А «дѣла» на ихъ языкѣ означаетъ одно: приумножить капиталъ и взнуздать работающую на нихъ массу безпрекословнымъ повиновеніемъ хозяйской волѣ. Чиновниковъ они не любятъ и потому они «конституціоналисты». Они желаютъ установленія народнаго представительства, но вопросы избирательнаго права и опредѣленіе взаимоотношеній между парламентомъ и короной ихъ интересуютъ очень мало. Конечно, они—сторонники имущественнаго ценза для избирателей. Всеобщее избирательное право не входитъ въ ихъ расчеты. Бюрократію они хотятъ подчинить плутократіи. Только крупный капиталъ нуждается, по ихъ мнѣнію, въ политическомъ представительствѣ. Послушайте, какія рѣчи произносятъ лидеры этой партіи на партійномъ съѣздѣ. Недавно мы слышали изъ устъ одного изъ столповъ торговопромышленной партіи (онъ же одинъ изъ королей русской торговопромышленной плутократіи) любопытныя признанія. «Мы—говорилъ онъ—отстаиваемъ интересы класса крупныхъ капиталистовъ, потому что мы считаемъ себя истинною солью земли. Только мы создаемъ національное богатство; всѣ люди раздѣляются

на двѣ группы: одни производятъ національное богатство (это—крупные капиталисты), другіе думаютъ лишь о распредѣленіи этого богатства между собой». Далѣе оказывается, что ораторъ приписываетъ представителямъ крупнаго капитала національную заслугу не только въ созданіи матеріальнаго могущества родины, но и въ созданіи всей духовной культуры. «Мы—говоритъ онъ — создали крупные капиталы, мы создали и всю цивилизацію, образованность, просвѣщеніе». Сказано смѣло, но вѣдь характернѣйшей отличительной чертой людей этой категоріи какъ разъ и является самоувѣренная смѣлость не только въ обращеніи съ зависимыми отъ нихъ людьми, но и въ обращеніи съ независимыми отъ нихъ фактами. Неправда ли, какое великолѣпное презрѣніе ко всему человѣчеству за исключеніемъ кучки людей, обезпечившихъ себя на всю жизнь туго набитыми бумажниками, сквозить въ этой своеобразной философіи прогресса! Не слышится ли въ этихъ словахъ голосъ чловѣка, привыкшаго взирать на чловѣческій муравейникъ съ высоты резиновыхъ шинъ и готоваго обрызгать грязью изъ подъ колесъ всякаго, кто отважится попасться ему навстрѣчу?

Нѣтъ, защита всеобщаго избирательнаго права не можетъ входить въ программу политиковъ этой партіи, и полное умолчаніе объ организаціи выборовъ не является въ ихъ программѣ случайнымъ пробѣломъ. Уже и нынѣ дѣйствующій избирательный законъ, вѣроятно, былъ бы съ удовольствіемъ сѣуженъ этими «создателями національнаго богатства», если бы власть очутилась въ ихъ полномъ распоряженіи; что же удивительнаго въ томъ, что они не заикаются ни однимъ словомъ о необходимости дальнѣйшаго расширенія этого закона? Столь же мало интересуются составители программы торговопромышленной партіи установленіемъ истиннаго парламентаризма. Отвѣтственность министровъ, право запроса, право законодательной инициативы,—все это не привлекаетъ ихъ вниманія, все это для нихъ «отвлеченные принципы», а не «суть». «Суть» лежитъ для нихъ въ другомъ: не въ политическихъ гарантіяхъ, а въ экономическомъ господствѣ. И здѣсь они рука объ руку съ крупными аграріями, высоко поднимаютъ древко своего знамени, на которомъ написано «неприкосновенность священнаго права собственности» и «невмѣшательство государственной власти во взаимныя отношенія капитала и труда». Они сужбютъ устроить свои дѣла, лишь бы только имъ попрочнѣе засѣсть въ будущемъ парламентѣ. Но—къ ихъ досадѣ—уже теперь право голоса предоставлено не однимъ только «торжествующимъ стяжателямъ». Ихъ собственные приказы и служащіе также пойдутъ къ избирательнымъ урнамъ. А въ ближайшемъ буду-

жемъ круги избирателей раздадутся еще шире. Нечего дѣлать, приходится собирать голоса и отъ тѣхъ, кто не пользуются резиновыми шинами, а передвигаются по улицамъ на собственныхъ ногахъ. И вотъ—передъ нами развертывается любопытное зрѣлище.

Дѣльцы и «практики» вдругъ обнаруживаютъ способность къ сентиментальному лиризму. Загляните въ любопытный документъ: агитаціонное «воззваніе отъ торговопромышленной партіи къ служащимъ въ торговыхъ, промышленныхъ и иныхъ предпріятіяхъ». Вы найдете здѣсь самое нѣжное воркованіе о полной солидарности интересовъ труда и капитала (стр. 2), весьма чувствительное разсужденіе о томъ, что всѣ люди, занятые въ торговлѣ и промышленности—и хозяева, и рабочіе, и предприниматели, и приказчики, и служащіе—составляютъ одну семью, которая сама сумѣетъ установить для себя полюбовное разрѣшеніе всякихъ споровъ безъ какого бы то ни было вмѣшательства законодательной власти (стр. 3). Вы встрѣтите здѣсь далѣе просвѣщенные сѣтованія на нашу некультурность, какъ на единственную причину стачекъ и забастовокъ рабочихъ и служащихъ въ торгово-промышленныхъ предпріятіяхъ вмѣстѣ съ категорическимъ утвержденіемъ того, что «просвѣщенная Западная Европа не знаетъ (!) забастовокъ и стачекъ» (стр. 7). Наконецъ, вы найдете здѣсь горячую защиту свободы труда противъ всякихъ попытокъ государства законодательнымъ путемъ урегулировать разбѣры рабочаго дня и заработной платы (стр. 5—6).

Чувствительныя картины, извращенные факты и кошунственная игра въ слово «свобода»—все пущено въ ходъ для предотвращения того, чтобы неразумные или строптивые люди труда не пошатнули своими избирательными бюллетенями золотыхъ троновъ королей капитала. Что касается аграрныхъ отношеній, то хотя вожди торгово-промышленной партіи и не принимаютъ въ этомъ случаѣ столь же близко къ сердцу владѣльческіе интересы, но они считаютъ нужнымъ и здѣсь поддержать «священное право собственности». Въ другомъ воззваніи отъ той же партіи, адресованномъ специально «крестьянамъ», находимъ такое разъясненіе причинъ крестьянскаго малоземелья: «размножилось народу столько, что земли на каждого стало приходится мало, и всѣмъ на ней прокормиться нѣтъ никакой возможности; стало быть нужно заботиться, чтобы было возможно больше другой работы». Итакъ, все дѣло въ ростѣ населенія; вопросъ о неравномѣрномъ распредѣленіи земельной собственности благоразумнымъ образомъ не затронуть ни однимъ словомъ. И въ соотвѣтствіи съ этимъ въ программѣ торговопромышленной партіи ни слова не говорится о допущеніи принудительнаго отчу-

жденія частно-владѣльческой земли, а на недавнемъ московскомъ сѣздѣ названной партіи было сказано прямо и категорически, что принципъ принудительнаго отчужденія есть уже начало социалистическое, на которое «мы ни въ коемъ случаѣ не можемъ согласиться» (№ 2 дневника сѣзда).

Физиономія торговопромышленной партіи опредѣляется всѣми этими чертами, какъ нельзя болѣе ясно. Можно ли видѣть въ этой партіи зародышъ истиннаго консерватизма? Отвѣчать утвердительно на этотъ вопросъ было бы слишкомъ опрометчиво. По чрезвычайно удачному выраженію Н. В. Тесленко, которое онъ употребилъ на одномъ изъ недавнихъ митинговъ, это—не столько политическая партія, сколько синдикатъ крупныхъ капиталистовъ. Торжество плутократіи, какой бы то ни было цѣной,—вотъ девизъ этой общественной группы. Если бюрократія согласится пойти на цѣпочкѣ у этой группы, какъ послушная прирученная собачка, торговопромышленные *дѣльцы* завтра же откажутся отъ всякихъ конституціонныхъ гарантій и поддержать своими солидными басами охришую фистулу г. Грингмута. И, если бы, наоборотъ, для окончательнаго торжества плутократическихъ стремленій потребовалась коренная ложка существующихъ государственныхъ порядковъ, «ихъ степенства» разбили бы эти порядки однимъ пинкомъ съ такимъ же легкимъ сердцемъ, съ какими они бьютъ зеркала въ богатыхъ ресторанахъ въ поздніе часы разнузданныхъ кутежей.

Практически они будутъ вести консервативную линію въ работахъ народнаго представительства, потому что они будутъ бояться матеріальныхъ жертвъ, неизбежныхъ при общественныхъ потрясеніяхъ. Но это не будутъ люди *консервативнаго принципа*, потому что всякій принципъ является въ ихъ глазахъ пустою фразой, а звону фразъ они предпочитаютъ звонъ золота.

Но вотъ, наконецъ, передъ нами—«союзъ 17 октября», нашъ будущій парламентскій центръ, собраніе уравновѣшенныхъ конституціоналистовъ, людей «законности и сильной власти». На первый взглядъ можетъ показаться, что именно здѣсь, среди этихъ людей, мы обрѣтаемъ, наконецъ, прототипъ будущихъ лояльныхъ и корректныхъ консерваторовъ, твердо стоящихъ на почвѣ политической свободы и желающихъ оберечь эту свободу одинаково какъ отъ реакціонныхъ на нее посягательствъ, такъ и отъ рискованныхъ преждевременныхъ прыжковъ въ неизвѣстность. Въ самомъ дѣлѣ, эти люди становятся подъ знамя «манифеста 17 октября». Итакъ, они желаютъ охранять уже добытые плоды предшествовавшей политической борьбы. Они опираются на законный актъ предержавной власти, возвѣстившій свободу, и желаютъ зацѣпить этотъ актъ отъ всякихъ на него поку-

шеній какъ справа, такъ и слѣва. Передъ нами, такимъ образомъ, всѣ наружные признаки западно-европейскаго консерватизма. Да, но только *наружныя*... Это видимое сходство съ западнымъ просвѣщеннымъ консерватизмомъ—при глубокомъ различіи въ содержаніи—и составляетъ наибольшую опасность: видимое сходство можетъ привлекать по недоразумѣнію вполне почтенныхъ и искреннихъ людей, которые никогда не поддались бы ни младенческому лепету «царистовъ», ни грубому зазыванію въ свою «лавочку» торговопромышленныхъ политиковъ. Итакъ, посмотримъ, что скрывается на самомъ дѣлѣ за этимъ наружнымъ покровомъ яко бы просвѣщеннаго консерватизма «союза 17 октября»?

Одна рѣзкая грань отдѣляетъ нашихъ «октябристовъ» отъ настоящихъ консерваторовъ западно-европейскаго типа. Европейскіе консерваторы боятся смѣлыхъ поступательныхъ шаговъ, потому что они слишкомъ дорожатъ уже завоеванными правами, которыя опасаются утратить въ рискованныхъ попыткахъ дальнѣйшей борьбы. Боязнь нашихъ «октябристовъ» передъ доведеніемъ до логическаго конца своихъ же собственныхъ програмныхъ положеній вытекаетъ изъ противоположнаго источника: они останавливаются на полдорогѣ еще прежде, чѣмъ чего либо достигли, не потому, что они чрезмерно дорожатъ еще не достигнутыми результатами, а потому, что они не понимаютъ всей важности и всего значенія тѣхъ цѣлей, которыхъ намъ всѣмъ предстоитъ достигать. Идейный капиталъ «союза 17 октября», это—неоформленная смѣсь кое-какихъ новыхъ конституціонныхъ понятій съ обильнымъ остаткомъ чисто обывательскаго пристрастія къ давно нагрѣтой старой лежанкѣ, къ которой такъ привыкли обывательскіе бока и на которой такъ тепло лежатъ всѣмъ тѣмъ, кому нечего заботиться за свой завтрашній день—тѣмъ, чье личное существованіе не задѣвается «проклятыми» жизненными вопросами и чьи гражданскія стремленія не выходятъ далеко за предѣлы интересовъ личнаго существованія. Такой «обыватель» любитъ не отставать отъ текущей моды, онъ хочетъ быть корректнымъ во внѣшнихъ проявленіяхъ своего общественнаго поведенія, онъ хочетъ итти въ уровень съ требованіями вѣка. Но все это — лишь подъ однимъ условіемъ: чтобы слѣдованіе прогрессу не влекло для него большихъ издержекъ и чувствительныхъ стѣсненій для его обывательскаго покоя. Онъ не любитъ казаться «отсталымъ» и потому не прочь завести приличную конституціонную обстановочку на мѣсто патріархальнаго произвола. Но — ради Бога — безъ излишней ломки! Чтобы все обошлось прилично и корректно, какъ подобаетъ въ респектабельномъ обществѣ! А главное—чтобы новая обстановочка ни въ чемъ не измѣнила его домашняго

покою и благополучія. Типичный «октябристъ» чувствуетъ, что стѣны нашего государственнаго зданія слишкомъ уже голы и непривѣтливы. Надо на нихъ что-нибудь повѣсить. Но зачѣмъ же гоняться для этого за подлинной картиной какого-нибудь мастера. Можно обойтись и болѣе скромной и менѣе дорогой олеографіей. И вотъ, — олеографія найдена. Александръ Ивановичъ Гучковъ съ своимъ «союзомъ» занялъ въ сферѣ политики какъ разъ то самое амплуа, какое столь долго занималъ въ Россіи Марксъ съ своей «Нивой» въ сферѣ журналистики. Оба они завоевали сердца той обывательской публики, которая уже научилась подумывать о прелестяхъ цивилизаціи, но которая способна воспринять пока только лубочную умственную пищу: лубочный журналъ, лубочную олеографію, лубочную политическую программу. Аксессуары поддѣльной цивилизаціи нужны обывателю за тѣмъ, чтобы и для другихъ и для себя самого прикрыть благообразными покровами свой мѣщанскій эгоизмъ и свое мѣщанское бездушіе. Ему нуженъ журналъ, но такой, который бы, развлекая умъ, не тревожилъ души острыми запросами; ему нужна преобразовательная политическая программа, но такая, которая бы не требовала отъ него слишкомъ напряженныхъ усилій для ея отстаиванія и не затрагивала бы ни въ чемъ основъ его частнаго, домашняго благосостоянія и спокойствія. На такого именно уравновѣшеннаго и солиднаго въ своихъ мѣщанскихъ добродѣтеляхъ потребителя и рассчитана программа «союза 17 октября». О, конечно, эта программа благообразнѣе программы торговопромышленной партіи! Вѣдь подписчики «Нивы» не любятъ такихъ откровенностей, передъ которыми не останавливаются торжествующіе Деруновы, Колупаевы и Разуваевы, не скрывающіе источниковъ своего могущества. Мы не встрѣтимъ въ программѣ «Союза» и такихъ нелѣпыхъ наивностей, которыя сыпятся изъ устъ шаловливыхъ «царистовъ-конституціоналистовъ»: вѣдь «октябристы» все же люди «передовые» и даже иногда бранящіе начальство, и притомъ нѣкоторые изъ нихъ не чужды и книжной начитанности. Но рассмотримъ внимательно программу и агитаціонныя изданія «союза», и мы безъ труда сдѣлаемъ любопытное наблюденіе: конституціонный узоръ «октябристской» программы оказывается вышитымъ по такой канвѣ, въ составѣ которой легко открыть и политическую близорукость «царистовъ», и стяжательныя вождѣнія торговопромышленныхъ охранителей «священнаго принципа неприкосновенности частной собственности». «Союзъ» требуетъ конституціонной монархіи и «свободъ». Это—все то, что уже предвозвѣщено, хотя и не исполнено. Но «союзъ» не дѣлаетъ ни шагу дальше. А между тѣмъ при самомъ небольшомъ запасѣ вдумчивости не трудно прийти къ выводу, что безъ дальнѣй-

пихъ шаговъ сдѣланные уже шаги никуда еще не приводятъ. Намъ нужно не только добыть свободу, намъ нужно создать условія, которыя обезпечивали бы ея укорененіе въ русской почвѣ. Для этого необходимо не только создать народное представительство, но кромѣ того — опредѣленно, безповоротнo и твердо подчинить контролю и руководству народнаго представительства высшіе органы исполнительной власти и въ то же время поставить всю администрацію въ странѣ, не только на бумагѣ, но и на дѣлѣ, въ подзаконное положеніе. Безъ этихъ условій не будетъ проведено рѣзкой и точной разграничительной черты между новымъ и старымъ порядкомъ, и бюрократія сдѣлаетъ все, чтобы свести народное представительство къ роли свѣтскихъ ширмъ для прикрытія деспотическихъ замысловъ министровъ-временщиковъ и придворныхъ шептуновъ во вкусѣ добраго стараго времени. Это ясно для гражданина, стремящагося къ борьбѣ за народныя права, но это не убѣдительно для обывателя, который не прочь отъ конституціонной обстановки, но который вовсе не питаетъ склонности къ безпокойной борьбѣ, къ утомительнымъ парламентскимъ бурямъ, «какъ будто въ бурѣ есть покой!»

И потому союзъ октябристовъ не включаетъ въ свою программу ни требованія парламентаризма, ни требованія уничтоженія особой подсудности для государственныхъ чиновниковъ. По той же причинѣ въ этой программѣ ничего не сказано ни о законодательной инициативѣ Государственной Думы, ни о бюджетномъ правѣ народныхъ представителей. Слово «конституція» произнесено, требованія хорошаго политическаго тона исполнены, а все остальное для типичнаго «октябриста» — мелочи и детали, на которыя не стоитъ тратить чернилъ при составленіи политической программы! Если въ области политическихъ вопросовъ мы находимъ въ программныхъ заявленіяхъ октябристовъ непродуманность и близорукость, приближающія ихъ къ «царистамъ», съ тою только разницей, что октябристы умѣютъ облекать свои непродуманные или недодуманные положенія въ болѣе грамотныя формы, — то въ области вопросовъ экономическихъ мы найдемъ у нихъ такія противорѣчія и пробѣлы, въ которыхъ сквозятъ несомнѣнные владѣльческія вождельнія.

Октябристы не рѣшаются брать подъ свою защиту неприкосновенность «священнаго» принципа частной собственности съ тою откровенностью, какъ это дѣлаютъ торговопромышленная партія и съѣздъ землевладѣльцевъ. Но ихъ блокъ съ торговопромышленною партіею чего-нибудь да стоитъ. И въ самомъ дѣлѣ, прочитайте внимательно отдѣлъ ихъ программы по рабочему вопросу. Вы найдете тамъ указанія на нѣкоторые мѣры, направляемыя къ поднятію положенія

рабочаго класса, мѣры, которыя считаютъ допустимыми даже и торговопромышленная партія. Но по самому острому и основному вопросу рабочаго законодательства—по вопросу о законодательномъ ограниченіи размѣровъ рабочаго дня—программа «союза» не идетъ далѣе скромной фразы: «мѣры къ ограниченію рабочаго времени для *женщинъ и дѣтей* въ особо вредныхъ для здоровья производствахъ». Иначе говоря, «союзъ 17-го октября» снимаетъ съ очереди вопросъ о законодательномъ урегулированіи размѣровъ рабочаго дня въ его общей формѣ независимо отъ пола и возраста рабочихъ. «Это—недопустимо, это—уже социализмъ!» восклицаютъ октябристы, а извѣстно, что ничто такъ не портитъ настроенія духа у солиднаго обывателя, какъ самый даже отдаленный намекъ на социалистическія начала. Октябристъ—либераль, но онъ не можетъ быть демократомъ, поскольку демократы, не раздѣляя построеній утопическаго социализма, стоятъ за социальныя реформы, идущія въ разрѣзъ съ классовыми интересами командующихъ владѣльческихъ общественныхъ группъ. Можно не беспокоиться за прочность блока октябристовъ съ торговопромышленной партіей; они поймутъ и поддержать другъ друга. Еще любопытнѣе позиція, занятая «союзомъ» въ вопросѣ аграрномъ.

Опять передъ нами длинный списокъ «мѣропріятій», долженствующихъ содѣйствовать разрѣшенію остраго социальнаго недуга. Выписанъ весь обычный рецептъ. Тутъ и регулированіе аренды, и преобразование крестьянскаго банка, и расселеніе съ переселеніемъ, и обращеніе государственныхъ и удѣльныхъ земель на удовлетвореніе земельной нужды крестьянства. Мы все ждемъ, что же будетъ сказано о частновладѣльческихъ земляхъ и о допустимости ихъ принудительнаго отчужденія въ составъ государственнаго земельного фонда? Вотъ, наконецъ, и этотъ пунктъ: «при недостаточности всѣхъ другихъ мѣръ допускается въ случаяхъ государственной важности отчужденіе части частновладѣльческихъ земель на справедливыхъ условіяхъ вознагражденія, устанавливаемыхъ законодательною властью». Мы проходимъ мимо скрытно выраженнаго предположенія, что для разрѣшенія земельного вопроса могутъ оказаться достаточными другія мѣры безъ обращенія къ принудительному отчужденію частновладѣльческихъ земель, и подчеркиваемъ то обстоятельство, что принципъ принудительнаго отчужденія въ программѣ союза признанъ.

Итакъ, духъ времени всетаки проникаетъ во всѣ поры, отъ него не уберешься! Его изгнали изъ отдѣла по рабочему вопросу, онъ пробрался въ отдѣлъ по вопросу аграрному! Но не будемъ спѣшить апплодировать союзу октябристовъ. Этотъ союзъ очень щедро раздаетъ другимъ партіямъ упрёки въ непоследовательности и даже лицемеріи.

Его противники могутъ ему отвѣтить: «врачу, испѣлися самъ!» Трудно представить себѣ что-нибудь болѣе противорѣчивое и сбивчивое, нежели разновременныя заявленія «союза». Мы слышали на сѣздѣ союза рѣчь г. Стаховича и мы находимъ, что эта рѣчь и внушенная ею резолюція сѣзда *выше* политической программы союза. Что касается аграрнаго вопроса, то въ этомъ отношеніи—какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ—программа союза въ свою очередь выше многихъ заявленій и публикацій, носящихъ на себѣ санкцію центрального органа союза. Рекомендуемъ читателямъ сравнить аграрную программу союза съ брошюрой, озаглавленной «0 землѣ» и носящей на обложкѣ помѣту: «Центральное бюро союза 17-го октября». Вы найдете въ этой брошюрѣ упрёки русскому крестьянству за то, что оно не хорошо заботилось о землѣ, которую ему далъ императоръ Александръ II, вы найдете тамъ утвержденіе, что не въ увеличеніи крестьянскаго землевладѣнія надо искать удовлетворенія крестьянской нужды, и вы не найдете въ брошюрѣ ни одного слова о допустимости принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель въ цѣляхъ устраненія крестьянскаго земельного голода. Такъ понимаетъ и толкуетъ центральный органъ союза свою программу.

Отчужденіе въ «исключительныхъ случаяхъ государственной важности» превращается по этому толкованію въ недопущеніе отчужденія ни въ какомъ случаѣ.

Очевидно, «отчужденіе» не даромъ поставлено въ программѣ въ самомъ концѣ списка различныхъ мѣропріятій по аграрному вопросу: оно поставлено въ концѣ для того, чтобы его легче было отрѣзывать.

Такова программа представителей обывательскаго конституціонализма. Въ политической части—конституціонная обстановка безъ надлежащихъ гарантій настоящей политической свободы; въ экономической части—осторожность, доходящая до прижимистости, и тщательное замѣтаніе слѣдовъ всякой малѣйшей попытки болѣе широкаго трактованія социальныхъ вопросовъ.

За то, какъ и подобаетъ «обывателю», а не гражданину, типичный октябристъ — холодный въ вопросахъ социальной справедливости и теплый въ вопросахъ политической свободы—становится горячимъ и пылкимъ, лишь только опъ ударяетъ по струнамъ примитивнаго патріотизма. «Единство Россіи», «смерть врагамъ и супостатамъ», «громъ побѣды раздавался» — вотъ лозунги, отъ которыхъ сердце октябриста трепещетъ въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ отъ провозглашенія свободы, равенства и братства. Нужно ли прибавлять, что патріотизмъ октябристовъ лубоченъ не менѣе, чѣмъ ихъ конституціонализмъ. Величіе отечества они измѣряютъ его способностью внушать не любовь, а страхъ. Они убѣждены, что единство Россіи можетъ разви-

ваться только на кнутъ, и гордость патріота они полагаютъ въ томъ, чтобы этотъ кнутъ казался возможно грознѣе всѣмъ подчиненнымъ Россіи народностямъ... Слово «автономія» приводитъ ихъ въ неописуемый гнѣвъ, при чемъ подъ «автономіей» они неуклонно понимаютъ расчлененіе Россіи. Имъ нерѣдко напоминаютъ, что самая неумотительная справка съ любымъ учебникомъ государственнаго права или хотя бы съ хорошимъ энциклопедическимъ словаремъ тотчасъ разсѣяла бы тужанъ, окутывающій ихъ сознаніе благодаря смѣшенію столь разнородныхъ понятій, какъ «автономное устройство областей» и «расчлененіе государства». Эти напоминанія пропадаютъ совершенно даромъ. Стремленіе къ унитарному империализму является у типичнаго октябриста не результатомъ размышленія, а плодомъ примитивнаго, растительнаго инстинкта, безотчетнаго чувства, не просвѣтленнаго ни наукой, ни сознательно обоснованной любовью къ родинѣ. И потому то именно въ этомъ пунктѣ вожди и публицисты союза доходятъ въ полемикѣ съ своими противниками до особенно безцеремонныхъ и ничѣмъ не прикрытыхъ искаженій тѣхъ цѣлей и задачъ, на почвѣ которыхъ стоятъ ихъ оппоненты. «Автономія, это—измѣна!» восклицаетъ «союзъ октябристовъ», заранее увѣренный въ аплодисментахъ обывателей, или никогда не изучавшихъ или основательно забывшихъ университетскую науку.

Повторяемъ, «союзъ 17 октября», это—среда лубочныхъ обывателей. Есть въ составѣ союза и очень искреннія, и очень почтенныя личности. Но это обстоятельство ничего не измѣняетъ въ нашей характеристикѣ. Мало ли куда не забредаетъ подчасъ иной искренній и почтенный, но мягкотѣлый и наивный русскій человѣкъ?!

Лѣстница кончена. Всѣ ступеньки пройдены. И мы выносимъ изъ нашего обзора слѣдующее заключеніе. Ни одна изъ нашихъ правыхъ партій еще не возвысилась до уровня настоящаго политическаго консерватизма въ западно-европейскомъ смыслѣ этого слова. Мы видѣли политиковъ-юродивыхъ, политиковъ-стяжателей, политиковъ-обывателей. Никто изъ нихъ не является собою людей яснаго политическаго, хотя бы и консервативнаго, принципа. Прогрессивныя политическія партіи могутъ слагаться въ странѣ и при деспотическомъ режимѣ, какъ естественное противодѣйствіе угнетенію народа правительственнымъ терроромъ. Но истинный консерватизмъ выращается въ сознаніи извѣстной части общества только въ рамкахъ настоящей политической свободы. Деспотизмъ порождаетъ лишь суррогаты консерватизма, частью нелѣпо-смѣшныя, частью отвратительныя, частью представляющіе собою лубочную смѣсь передовыхъ идей съ самымъ типичнымъ филистерствомъ. Наши «правыя» партіи, доселѣ сложившіяся, служатъ прямымъ подтвержденіемъ справедливости этого положенія.

А. Кизеветтеръ.

Вънецъ терховый ¹⁾.

(Памяти *Θ. М. Достоевскаго*).

Достоевскій закончилъ свою безсмертную рѣчь о Пушкинѣ слѣдующими словами: «Жилъ бы Пушкинъ долѣе, такъ и между нами было бы, можетъ быть, менѣе недоразумѣній и споровъ, чѣмъ видимъ теперь. Но Богъ судилъ иначе. Пушкинъ умеръ въ полномъ развитіи своихъ силъ и безспорно унесъ съ собой въ гробъ нѣкоторую великую тайну. И вотъ мы теперь безъ него эту тайну разгадываемъ».

Эти глубокія слова приложимы и къ самому *Θ. М. Достоевскому*. Въ извѣстномъ смыслѣ и всякій человѣкъ есть неразгаданная тайна, хотя мимо нея обыкновенно проходятъ, ея не замѣчая, но въ особенности это ясно относительно тѣхъ людей, которые раскрывали свою душу, и чѣмъ больше они ее раскрывали, тѣмъ загадочнѣе становилась ихъ индивидуальность, тѣмъ неразгаданнѣе сходили они въ могилу. Послѣднее слово, тайна живой индивидуальности, ея духовная сущность, оставалась всетаки невысказанной, творческій замыселъ, вызвавшій къ бытію эту живую душу, нераскрытымъ, и о томъ, что же дѣйствительно было самымъ важнымъ, подлиннымъ, существеннымъ въ человѣкѣ, приходится только гадать и спорить. И въ высочайшей степени все это приходится сказать объ индивидуальности такой мощи, богатства и сложности, какою былъ *Θ. М. Достоевскій*. Найдется ли во всей русской и, быть можетъ, даже міровой литературѣ большая сложность, причудливая изломанность души, чѣмъ у Достоевскаго, и вотъ почему печатью особенно глубокой тайны запечатлѣна его индивидуальность. Эту то тайну намъ и приходится теперь разгадывать. Въ чемъ же душа Достоевскаго, гдѣ ска-

¹⁾ Читано на вечерѣ въ память *Θ. М. Достоевскаго* въ Кіевѣ 25-го февраля 1906 г.

залась ея подлинная, перевозданная стихія, не то, что онъ самъ думалъ и писалъ о себѣ, но чѣмъ онъ былъ и что фактически дѣйствовало въ немъ? Отвѣтить на подобный вопросъ вообще можно только субъективно: это значитъ рассказать о томъ, что видитъ въ немъ внутреннее око каждаго, что онъ чувствуетъ въ Достоевскомъ, почему ему нуженъ и дорогъ Достоевскій, во что онъ вѣритъ въ Достоевскомъ (ибо въ концѣ концовъ здѣсь, какъ и вездѣ, самый основной и центральный вопросъ рѣшается только актъ вѣры, внутренняго ясновидѣнія, интуитивнаго чувства). Отвѣтить на вопросъ, въ чемъ тайна личности, значитъ духовно познать ее, а это познаніе есть такой интимный внутренній актъ, который основывается только на духовномъ сліяніи, на сокровенномъ касаніи душъ, скорѣе на непосредственномъ воспріятіи, нежели на рефлектирующей дѣятельности разсудка.

Въ отношеніи къ Достоевскому, въ *познаніи* его со стороны русскаго общества и русской критики существуетъ двоякое теченіе. Одна часть — я не преувеличу, если скажу, что къ этому разряду принадлежитъ большинство — относится къ Достоевскому съ грубымъ равнодушіемъ, его не замѣчаетъ, а въ литературномъ отношеніи отдѣляется обыкновенно дешевыми приѣмами азбучнаго обличенія политическихъ заблужденій Достоевскаго. Вся проблема Достоевскаго, если таковая и есть, исчерпывается тѣмъ, что Достоевскій неправо мыслилъ о самодержавіи и о другихъ политическихъ вопросахъ, былъ въ извѣстномъ смыслѣ политически неблагонадеженъ. Наклеить ярлыкъ реакціи и сдать въ архивъ — это такъ просто, такъ потакаетъ сложившимся привычкамъ и умственной лѣни, что нечего удивляться, если и до сихъ поръ не прекращаются подобныя упражненія. Критиками своего времени (за совершенно единичными исключеніями) Достоевскій былъ мало понятъ, и даже проницательный Михайловскій отнесся къ нему поверхностно-публицистически, увидѣвъ въ немъ лишь «жестокій талантъ».

Такому духовному равнодушію къ Достоевскому и оцѣнкѣ его лишь подъ политическимъ угломъ зрѣнія въ новѣйшее время какъ будто положенъ конецъ. Начинается болѣе серьезное изученіе Достоевскаго. Черезъ четверть вѣка послѣ смерти Достоевскаго, наконецъ, замѣтили и начинаютъ понимать. (Кстати, въ настоящее время выходитъ одновременно и на

французскомъ и на нѣмецкомъ языкѣ первое *полное* собраніе сочиненій Достоевскаго, до сихъ же поръ оставались непереверденными такія произведенія, какъ: «Бѣсы», «Братья Карамазовы» и др.). Достоевскаго вообще можно не замѣчать и противъ этой духовной слѣпоты нечѣмъ пособить, — но тому, кто однажды его *замѣтилъ*, уже не оторваться отъ «жестокаго таланта», для того Достоевскій становится спутникомъ на всю жизнь, мученіемъ, загадкой, угѣшеніемъ. Средины здѣсь быть не можетъ. Замѣтивъ Достоевскаго, нельзя уже отъ него оторваться. Только это не значитъ, что онъ можетъ быть воспринять легко и просто, что онъ ясенъ и успокаиваетъ противорѣчія. Нѣтъ, проблема Достоевскаго дѣйствительно трудна, сложна и мучительна. Ибо въ душѣ этого человѣка происходила великая, непрерывная борьба, и изъ кратера этого клокочущаго вулкана извергались и огонь, и расплавленный металлъ, и лава, смѣшанная съ горячей грязью. Нельзя скрывать, что и въ Достоевскомъ, дѣйствительно, есть нѣчто и такое, отъ чего нужно отказываться, — и это дѣлалъ, напр., такой ближайшій его единомышленникъ, какъ В. С. Соловьевъ. Въ этомъ живомъ конгломератѣ, который представляетъ эмпирическая душа Достоевскаго, чистѣйшее золото спаялось съ золою и шлакомъ, окончательнаго отдѣленія ихъ не произошло, и оборвавшаяся жизнь унесла въ могилу тайну разрѣшенія, синтеза, примиренія и послѣдней очистки, отдѣленія добра отъ зла. И эту видимую противорѣчивость каждый тоже толкуетъ по своему, у однихъ ложатся на верхъ однѣ страницы изъ Достоевскаго, у другихъ — другія, одни видятъ лишь случайный эмпирическій наростъ въ томъ, отъ чего приходится отказываться въ Достоевскомъ, напротивъ, другіе въ этомъ видятъ выраженіе потаенной сущности, какъ бы приговоръ надъ всею индивидуальностью Достоевскаго. И каждый, повторяю, интимно воспринимая Достоевскаго, выражаетъ въ сущности то, во что онъ вѣритъ и во что не вѣритъ въ немъ, а вмѣстѣ и то, что и самъ онъ имѣетъ въ своемъ внутреннемъ опытѣ. И въ этомъ смыслѣ отношеніе къ Достоевскому болѣе, чѣмъ многое другое, характеризуетъ собственную индивидуальность человѣка, опредѣляетъ его, такъ сказать, калибръ.

Когда хоронили Достоевскаго, многочисленная толпа провожала траурную колесницу на кладбище и, по опи-

саніямъ современниковъ, толпа эта была самага различнаго состава: учащаяся молодежь, студенты и курсистки разныхъ специальностей, офицеры и дамы, юноши и старики, такая же разнообразная толпа какъ та, которая восторженно рукоплескала за полгода передъ тѣмъ Пушкинской рѣчи съ проповѣдью о всечеловѣкѣ, когда общее напряженіе восторга разрядилось обморокомъ неизвѣстнаго молодого человѣка близъ кафедры у ногъ Достоевскаго. Что же соединило эту толпу и породило этотъ до боли доходящій, мучительный энтузіазмъ любви и благодарности за рѣчь, которая шла въ разрѣзъ всѣмъ ходячимъ мнѣніямъ и предразсудкамъ, которая кичливыхъ и самодовольныхъ звала къ покаянію (смирись, гордый человѣкъ! смирись праздный человѣкъ! такъ восклицаль къ русской интеллигенціи Достоевскій)? Конечно, и въ похоронной процессіи и на Пушкинскомъ праздникѣ было очень мало политическихъ сторонниковъ Достоевскаго, да и вообще были люди самыхъ различныхъ политическихъ мнѣній. Были сломаны, значитъ, политическія перегородки, обычно раздѣляющія людей, общій энтузіазмъ испепелилъ ихъ кажущуюся крѣпость! Мало было и такихъ, которые подозрѣвали дѣйствительные размыры литературнаго и философскаго генія Достоевскаго. Вѣдь по совѣсти говоря, его слѣдуетъ причислить къ величайшимъ писателямъ и величайшимъ мыслителямъ всѣхъ временъ и народовъ. Вѣдь предъ легендой о Великомъ Инквизиторѣ и вообще философскими главами «Братьевъ Карамазовыхъ» (и другими его страницами) блѣднѣетъ — говорю это съ полнымъ убѣжденіемъ — Фаустъ Гете и мистеріи Байрона, вѣдь въ романахъ Достоевскаго, нужно прямо сказать, заключено гораздо больше подлинной философіи, нежели въ десяткахъ томовъ профессоровъ философіи и вообще школьныхъ ея представителей. Достоевскимъ были предугаданы и такія своеобразныя и симптоматическія явленія европейскаго сознанія, какъ Ницше, и не только предугаданы, но и гораздо ярче и сильнѣе выражены (вспомните галерею ницшеанскихъ типовъ: Раскольниковъ, Кирилловъ, Ставрогинъ и Иванъ Карамазовъ). Пониманіе общаго значенія Достоевскаго въ этомъ смыслѣ до сихъ поръ остается удѣломъ немногихъ и кромѣ того, въ этомъ я тоже глубоко убѣжденъ, вполне еще вообще недоступно пока никому и раскроется лишь будущимъ временамъ.

Чѣмъ же, стало быть, былъ дорогъ Достоевскій этой разношерстной толпѣ, какая интимная связь породнила его съ тѣми, кто не раздѣляя вовсе его вѣры, его мнѣній, не можетъ проникнуть и во всю сложность его духовной жизни? Очевидно, эта привязанность относится болѣе къ человѣку, чѣмъ къ литератору и художнику, очевидно, она основывается на болѣе глубокомъ фундаментѣ, нежели литературныя симпатіи или политическія мнѣнія, которыя складываются иногда въ силу чисто логическихъ переживаній. Отъ сердца къ сердцу и отъ совѣсти къ совѣсти идетъ эта незримая связь, она проходитъ въ тѣхъ глубинахъ, гдѣ скрыта связь матери и ребенка, брата и сестры, ближайшихъ друзей. И, мнѣ кажется, въ этомъ покоряющемъ обаяніи именно и нужно искать разгадки тайны души Достоевскаго, не въ литературѣ, а въ томъ, что стоитъ за литераторомъ и иногда имъ даже заслоняется и маскируется — въ человѣкѣ, т. е. въ его сердцѣ. Больное, любящее и страдающее сердце, — вотъ святыня, предъ которой преклоняются всѣ колѣни, и вотъ то, что влечетъ къ Достоевскому чрезъ всѣ разногласія съ нимъ, непониманіе и предрасудки. Достоевскому былъ данъ странный и истинно человѣческій и единственно человѣческій даръ — даръ страданія во имя любви къ людямъ, даръ страданія и крестъ страданія. Если бы мы не были такіе эгоисты, если бы мы не были заняты постоянно своими мелкими личными дѣлами, то покой и счастье стали бы навсегда невозможны для насъ. Стоитъ только открыть глаза и уши, прислушаться къ голосамъ этого міра, мы услышимъ отъ всѣхъ временъ и народовъ, отъ прошлаго и настоящаго нестерпимый стонъ, проклятія, жалобы, плачъ дѣтей, мы почувствуемъ, что земля подъ нами пропитана кровью и весь этотъ міръ и вся исторія есть одна мучительная трагедія. Мы не можемъ вынести и вмѣстить этого, мы слишкомъ любимъ себя и свой покой, и только потому мы живемъ въ относительномъ покоѣ. Этого мало: въ мѣру своего собственнаго развитія, мы начинаемъ понимать не только физическія, но и духовныя страданія, которыхъ не подозрѣвали ранѣе: простому человѣку муки Фауста, Раскольникова или Ивана Карамазова представляются блажью. Слышать и понимать, а, слѣдовательно, и раздѣлять и нести на себѣ всѣ скорби и грѣхи всего міра есть дѣло Бога, и мы приближаемся здѣсь

къ страшной тайнѣ Геосиманской ночи, кроваваго боренія и пота. Но къ священной оградѣ Геосиманскаго сада, изъ котораго есть только одинъ путь — на Голгофу, приближается всякій въ мѣру своего страданія за другихъ, безкорыстной, самоотверженной скорби и боли за человѣка. И близко, ближе многихъ другихъ подошелъ къ ней Достоевскій, и это то и почувствовала въ немъ своими неокаменившимися еще сердцами молодежь. Достоевскаго, этотъ «жестокій талантъ», который принялъ въ свою душу и муки Раскольникова, и страданія Сони, и стыдъ Мармеладова, и горе Екатерины Ивановны, и слезы замученныхъ дѣтокъ, и тоску Карамазова, и бѣдныхъ людей, и униженныхъ и оскорбленныхъ, и каторжниковъ и аристократовъ. Достоевскаго, который и насъ мучить этой своей мукой, исторгаетъ слезы и у жестокихъ, жжетъ своимъ огнемъ, этого Достоевскаго не въ состояніи искренно отвергнуть человѣкъ, онъ можетъ отъ него заслониться, не допустить его до своего сознанія, но святости этого человѣческаго страданія и любви къ человѣку онъ не можетъ сознательно отвергнуть, какъ не можетъ сознательно отвергнуть и того, кто мучился за людей и молился во тѣмъ Геосиманскаго сада. И та Голгофа, которая была въ сердцѣ у Достоевскаго, тотъ крестъ, который былъ въ немъ воздвигнутъ, вотъ что повелительно склоняетъ насъ передъ Достоевскимъ.

Крестнымъ путемъ, черезъ страданіе каторги, чрезъ грязь и черноту жизни, чрезъ распахнувшіяся для него бездны человѣческаго сердца и муки пришелъ Достоевскій къ Тому, Кто весь есть Любовь и, однажды увидавъ и понявъ тайну подвига распятаго Бога, всю Его единственность и святость, онъ утвердился на Немъ, какъ на основаніи для вѣры и въ людей, и въ Бога, и въ спасеніе человечества. Христосъ занялъ всю его душу, да иначе этого быть не можетъ: Его можно отвергнуть, но если принять, то только всей душой. Въ посмертныхъ замѣткахъ Достоевскаго значитъ, между прочимъ, планъ «написать книгу объ Иисусѣ Христѣ». Мы не знаемъ, написалъ ли бы онъ эту книгу, но въ известномъ смыслѣ всѣ его книги, особенно послѣднихъ лѣтъ, написаны о Христѣ, во всѣхъ Онъ является истиннымъ, хотя и незримымъ центромъ, иногда выступая открыто. Величайшее торжество генія

Достоевскаго состоитъ именно въ томъ, что онъ, снявъ церковную позолоту и византійскую традиционность, по новому, по-своему, сумѣлъ въ своихъ произведеніяхъ дать почувствовать живого Христа, онъ ставитъ Его какъ бы среди насъ и, приближая Его, научаетъ любить Его. Неотразимой силы и паѳоса достигаетъ поэтому Достоевскій именно въ тѣхъ мѣстахъ своихъ произведеній, гдѣ появляется у него зримо или незримо Христосъ. Вспомните потрясающую сцену чтенія Евангельскаго разсказа о воскресеніи Лазаря въ «Преступленіи и наказаніи», гдѣ «убійца и блудница сошлись за чтеніемъ вѣчной книги» и гдѣ до глубочайшаго дна распахиваются вдругъ глубины грѣшной и скорбной человѣческой души, вспомните главу о Канѣ Галилейской въ «Братьяхъ Карамазовыхъ», гдѣ тоже описывается моментъ такого душевнаго подъема, когда человѣкъ опредѣляется на всю жизнь. Особенно интересно, что говорить въ «Бѣсахъ» на своеобразномъ своемъ языкѣ воинствующій атеистъ Кирилловъ предъ самоубійствомъ, предпринимаемымъ, чтобы по нищенски «заявить своеволие».

„Слушай большую идею: былъ на землѣ одинъ день, и въ серединѣ земли стояли три креста. Одинъ на крестѣ до того вѣровалъ, что сказалъ другому: „будешь сегодня со мною въ раю“. Кончился день, оба померли, пошли и не нашли ни раю, ни воскресенія. Не оправдывалось сказанное. Слушай: этотъ человѣкъ былъ высшій на всей землѣ, составлялъ то, для чего ей жить. Вся планета, со всѣми, что на ней, безъ этого человѣка — одно сумасшествіе. Не было ни прежде, ни послѣ, Ему такого же, никогда, даже до чуда. Въ томъ и чудо, что не было и не будетъ такого же никогда. А если такъ, если законы природы не пожалѣли и Этого, даже чудо свое же не пожалѣли, а заставили и Его жить среди лжи и умереть за ложь, то, стало быть, вся планета есть ложь и стоитъ на лжи и глупой насмѣшкѣ. Стало быть, самые законы планеты — ложь и дьяволовъ водевилъ. Для чего же жить, отвѣчай, если ты человѣкъ?“

Какая странная и дикая идея — дать почувствовать Христа въ проникновенно-предсмертномъ бредѣ невѣрующаго человѣка и, между тѣмъ, потрясающая правда этого изображенія сама говорить за себя.

Вспомните, наконецъ, какъ описано появленіе Христа въ «Легендѣ о Великомъ Инквизиторѣ», — вы какъ будто присутствуете при этомъ появленіи. И этой пламенной любовью ко Христу и опредѣлялось, въ сущности, такъ называемое міросозерцаніе Достоевскаго, его вѣра. Охарактеризуемъ ее

лучше всего словами, сказанными надъ могилой Достоевскаго.

„Окончательная оцѣнка всей дѣятельности Достоевскаго, говорилъ Соловьевъ, зависитъ отъ того, какъ мы смотримъ на одушевлявшую его идею, на то, во что онъ вѣрилъ и что онъ любилъ. А любилъ онъ прежде всего живую человѣческую душу во всемъ и вездѣ, и вѣрилъ онъ, что мы всѣ родъ *Божій*, вѣрилъ въ безконечную силу человѣческой души, торжествующую надъ всякимъ внѣшнимъ насиліемъ и надъ всякимъ внутреннимъ паденіемъ. Принявъ въ свою душу всю жизненную злобу, всю тяготу и черноту жизни и преодолевъ все это безконечною силою любви, Достоевскій во всѣхъ своихъ твореніяхъ возвѣщалъ эту побѣду. Извѣдавъ *божественную* силу въ душѣ, пробивающуюся чрезъ всякую человѣческую немощь, Достоевскій пришелъ къ познанію Бога и Богочеловѣка. *Дѣйствительность* Бога и Христа открылась ему во *внутренней* силѣ любви и всепрощенія, и эту же всепрощающую благодатную силу проповѣдывалъ онъ какъ основаніе и для внѣшняго осуществленія на землѣ того царства правды, котораго онъ жаждалъ и къ которому стремился всю жизнь“¹⁾.

Не нужно думать, что легко и безболѣзненно далась Достоевскому эта его вѣра. Напротивъ, цѣною жесточайшей борьбы, отчаянныхъ сомнѣній, мукъ богооставленности («Боже мой, вскую мя еси оставилъ») далась ему она, и часть—конечно, только часть, ибо самаго главнаго здѣсь разсказать нельзя,—разсказываетъ онъ въ своихъ романахъ. Въ человѣческой душѣ ему были открыты такія глубины содомскаго грѣха, отъ которыхъ кружится голова, но зато и вершины святости съ бѣлѣющими снѣгами вѣчности; вѣдомы были ему и подполье, и притонъ, и тюрьма, и монастырь. Все это открывалъ онъ, конечно, въ своей собственной, всеобъемлющей душѣ, мучительно извлекая оттуда страшные образы. Конечно, ему въ тысячу разъ легче было бы не знать о чело-
вѣкѣ того, что онъ зналъ, и не понимать того, что онъ понималъ, но ему надо было это знать и понимать, это входило въ тяжесть креста его. И вотъ въ причудливомъ и фантастическомъ соединеніи чередуются эти типы: Соня и Свидригайловъ, старикъ Карамазовъ и старецъ Зосима, Грушенька и юродивая (изъ Бѣсовъ), Алеша и Иванъ Карамазовъ, Великій Инквизиторъ и чортъ въ кошмарѣ Ивана Фёдоровича, и все это клокотало и боролось въ немъ самомъ въ мучительной борьбѣ. И въ чисто философскихъ вопросахъ религіи передъ Достоевскимъ открывались такія бездны сомнѣній, которыя и не снятся ходячему, беззаботному и поверхностному отри-

¹⁾ Собраніе Сочиненій Вл. Соловьева. Т. III. 169—170.

панію, такъ что на этомъ основаніи иные считаютъ Достоевскаго атеистомъ, только страстно жаждавшимъ вѣры, но ея не нашедшимъ. Достоевскій не былъ философъ-систематикомъ, онъ не противопоставлялъ аргументовъ аргументамъ, побивая одни другими и самъ дѣлая свой окончательный выводъ. Онъ клалъ на полотно художественное изображеніе чувствъ и настроеній, иногда взаимно исключавшихъ другъ друга. Сказать, возвысился ли онъ самъ надъ этой борьбой, побѣдитель онъ или побѣжденный, значить тоже пытаться раскрыть неразгаданную *тайну* его, можетъ быть самую роковую и страшную тайну. Предъ концомъ жизни Достоевскій далъ самый жестокой и рѣшительный бой противоположнымъ началамъ, боровшимся въ его душѣ, въ романѣ «Братья Карамазовы», гдѣ «бунтъ» и «Легенда о великомъ инквизиторѣ» чередуются съ поученіями старца Зосимы и «Каной Галилейской», гдѣ всѣ вопросы обострены въ ужасающей степени. Этотъ романъ остался незаконченнымъ, его окончательная развязка и послѣднее слово автора унесены въ могилу, и смерть поставила свое обычное многоточіе. Можетъ быть, даже и формально, и для всѣхъ безспорно авторомъ была бы дана побѣда однимъ началамъ надъ другими. Но во всякомъ случаѣ отвѣтить на вопросъ, что побѣждало въ душѣ у Достоевскаго, чѣмъ онъ былъ самъ, Иваномъ или Алешей (и т. п.), съ безспорностью, устранивающей всякія возраженія, нельзя.

Это есть въ высшей степени субъективное воспріятіе одной душой музыки другой, гдѣ имѣетъ значеніе не только резонируемое, но и свойства резонатора, гдѣ приходится вырывать или разгадывать самую интимную тайну чужой души. Я лично не сомнѣваюсь и не сомнѣвался, что положительныя начала торжествовали въ душѣ Достоевскаго, что вѣра торжествовала надъ его сомнѣніями, хотя и не устранила остроту ихъ переживаній. Основной и существенный аргументъ въ пользу этого мнѣнія я вижу въ томъ, что иначе Достоевскому не давалось бы изображеніе такой силы положительныхъ религіозныхъ переживаній, въ его сочиненіяхъ не появлялось бы того лика Христова, который присутствуетъ въ нихъ теперь, иначе, быть можетъ, они просто не были бы написаны, однимъ словомъ, весь тонъ, планъ, всѣ держанія проповѣди тогда были бы иными. Весь окро-

вавленный, Достоевскій тѣмъ не менѣе остался побѣдителемъ. Такъ я чувствую Достоевскаго, и самому мнѣ не пришлось бы даже въ голову защищать этотъ тезисъ, если бы противоположное настойчиво не повторялось нѣкоторыми современными скептиками.

Перехожу теперь къ той категоріи взглядовъ Достоевскаго, которые принято называть общественнымъ міровоззрѣніемъ. Очевидно, что у Достоевскаго оно было вслѣдствіе сложности его общаго міровоззрѣнія сложнѣе, нежели у большинства его—да и нашихъ—современниковъ, обыкновенно довольствующихся упрощеннымъ механическимъ и матеріалистическимъ міровоззрѣніемъ при полномъ отсутствіи философскаго и религіознаго углубленія и даже съ отрицаніемъ таковаго. Тамъ, гдѣ кончаются въ немъ всѣ вопросы, для Достоевскаго, въ сущности, они только начинаются. Обычныя теоріи прогресса не чувствуютъ міровой трагедіи или, вѣрнѣе, чувствуютъ ее только для настоящаго момента, сравнительно холодны къ ней въ прошломъ и совсемъ не даютъ ей мѣста въ будущемъ, для котораго рисуется перспектива земного рая для грядущихъ поколѣній. Очевидно, здѣсь нѣтъ мѣста ни для какого сомнѣнія въ томъ, что это есть достаточное разрѣшеніе міровой трагедіи, съ которымъ благодушно примирятся счастливые человѣкобоги будущаго, эти своеобразные потребители исторической прибавочной цѣнности (прилагая сюда терминологию Маркса). Однако будетъ справедливо усумниться, можно ли видѣть истинно-человѣчскій прогрессъ въ такомъ типѣ развитія. Устами Ивана Карамазова Достоевскій выразилъ это сомнѣніе о цѣнѣ прогресса и о приобрѣтеніи чьего бы то ни было счастья хотя бы слезинкой ребенка. Вы помните, что Иванъ бунтуетъ противъ Бога и Его міра и отрицаетъ возможность гармоніи и прощенія даже въ будущемъ вѣкѣ. Если «бунтъ» Ивана въ данномъ случаѣ не есть бунтъ самого Достоевскаго (и, самое большее, лишь одно изъ его настроеній), то бунтъ этотъ à fortiori приложимъ къ той теоріи земного прогресса, о которой мы говоримъ. Одно изъ двухъ: или каждая человѣческая личность, какъ считалъ Достоевскій, есть высшая цѣнность, которая не можетъ разсматриваться, какъ средство, и въ такомъ случаѣ вся эта теорія, основанная на историческомъ «унаваживаніи» трупами однихъ для будущаго счастья другихъ, которыхъ не стошнить отъ такого счастья,

не даетъ никакого выхода изъ міровой трагедіи, или же люди, дѣйствительно, не равны въ своемъ человѣческомъ достоинствѣ, и будущіе исполныи или человѣкобоги представляются собой истинную цѣнность и цѣль исторіи, а мы относимся къ нимъ, примѣрно, такъ же, какъ обезьяны или еще болѣе отдаленные зоологическіе виды къ людямъ. Но, очевидно, такое воззрѣніе отнимаетъ почву вообще у всякихъ идеаловъ, по крайней мѣрѣ, демократическаго и социалистическаго характера. Поэтому при признаніи въ каждомъ человѣкѣ личности, абсолютныхъ правъ и образа Божьяго, приходится признать, что или совсѣмъ нѣтъ разрѣшенія міровой трагедіи, и теорія прогресса есть фальшь и самообманъ, или же это разрѣшеніе возможно только тамъ, гдѣ видѣлъ его и Достоевскій, т. е. въ христіанской вѣрѣ о возстановленіи всѣхъ цѣнностей, всѣхъ индивидуальностей, о будущемъ вѣкѣ, короче, о всеобщемъ воскресеніи. При этомъ воззрѣніи и историческій процессъ съ его относительнымъ и условнымъ прогрессомъ получаетъ свое значеніе и смыслъ, какъ необходимое звено общаго богочеловѣческаго процесса.

Но, оставляя въ сторонѣ эти міровые вопросы, и въ рамкахъ относительнаго историческаго прогресса у Достоевскаго не могло не быть, конечно, серьезныхъ пунктовъ разногласія съ господствующимъ позитивизмомъ. Мнѣ совѣстно увѣрять, что автору «Униженныхъ и оскорбленныхъ» не были чужды социальные вопросы, вопросы богатства и бѣдности, то, что въ широкомъ смыслѣ можно назвать проблемой социализма. Не можетъ быть и сомнѣнія въ томъ, что и для него она разрѣшалась только въ одномъ смыслѣ, въ какомъ она только и можетъ вообще разрѣшаться, идеаломъ и для него было устраненіе социальной неправды и установленіе всеобщей солидарности. Но онъ находилъ и, оставаясь вѣренъ всему своему міровоззрѣнію, конечно, не могъ не находить, что въ матеріалистическихъ теоріяхъ социализма вопросъ ставится слишкомъ просто и недостаточно глубоко и что для достиженія всеобщей солидарности одного механическаго соединенія людей слишкомъ мало. Онъ не отрицалъ правды социализма (какъ это можетъ показаться иному читателю въ виду его обычныхъ нападокъ на социализмъ, между тѣмъ какъ онъ имѣетъ въ виду только одну его версію, именно матеріалистическую, какъ

наиболѣе распространенную), но онъ хочетъ эту относительную правду поставить въ связь и подчинить высшей религіозной правдѣ, согрѣть и оживить холодныя и мертвыя стѣны религіознымъ огнемъ. Въ этомъ смыслѣ и слѣдуетъ понимать слова его, написанные въ послѣднемъ выпускѣ «Дневника писателя»: «не въ коммунизмѣ, не въ механическихъ формахъ заключается социализмъ народа русскаго: онъ вѣритъ, что спасется лишь въ концѣ концовъ *всесвѣтлымъ единеніемъ во имя Христова*. Вотъ нашъ русскій социализмъ». Конечно, это требованіе разсматривать правду социальную лишь въ свѣтѣ правды религіозной само по себѣ не препятствуетъ признавать все великое значеніе и внѣшнихъ реформъ, такъ сказать, внѣшняго социализма, который является тоже исполненіемъ внутренней правды и изъ-за того, что онъ не все и не есть даже самостоятельная цѣнность, не слѣдуетъ отрицать или умалять его значенія какъ исторически даннаго средства. Въ обостреніи полемики Достоевскій не соблюдалъ этого масштаба и перегибалъ палку въ сторону, противоположную той, въ которую она была перегнута его противниками, и приближался иногда къ толстовскому индивидуализму, вообще ему чуждому. Мы не хотимъ закрывать глаза на эту социологическую аберрацію у Достоевскаго, укажемъ только въ его защиту, что онъ не былъ ни реальнымъ социологомъ, ни политикомъ, ни экономистомъ, ставилъ всегда вопросы въ ихъ принципиальную ширь, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и съ высоты птичьяго полета, въ нѣкоторомъ отвлеченіи отъ непосредственной практики жизни.

Интересна и глубока его критика общественно-механическаго разрѣшенія социальныхъ вопросовъ, какъ оно рисуется въ головахъ тѣхъ, кто считаетъ человѣка всецѣло продуктомъ или рефлексомъ экономическихъ и другихъ причинъ, пустымъ мѣстомъ, предназначеннымъ быть складомъ для всякихъ вліяній. Въ одномъ изъ самыхъ своихъ раннихъ произведеній, написанномъ до ссылки (еще 1846 года), въ «Запискахъ изъ подполья», онъ указываетъ на упускаемую при этомъ изъ виду ирраціональность и слѣпое даже своеволие человѣческой природы, которое можетъ сломать всякое «цѣлесообразное» и «выгодное» устройство (если оно, разумѣется, только однимъ этимъ и держится).

Тогда—читаемъ мы здѣсь—настануть новыя экономическія отношенія, совсѣмъ уже готовые и тоже вычисленныя съ математической точностью, такъ что въ одинъ мигъ исчезнуть всевозможные вопросы собственно потому, что на нихъ получатся всевозможные отвѣты. Тогда выстроится хрустальный дворецъ. Тогда... Конечно, никакъ нельзя гарантировать, что тогда не будетъ, напр., ужасно скучно (потому что—что-же и дѣлать то, когда все будетъ расчислено по табличкѣ), за то все будетъ чрезвычайно благообразно. Конечно, отъ скуки чего не выдумаешь!.. Вѣдь я, напр., нисколько не удивлюсь, если вдругъ ни съ того, ни съ сего, среди всеобщаго будущаго благообразія возникнетъ какой-нибудь джентльменъ съ неблагородной или, лучше сказать, ретроградной и насмѣшливой фізіономіей, упреть руки въ боки и скажетъ намъ всѣмъ: а что, господа, не столкнуть ли намъ все это благообразіе съ одного разу, ногой, прахомъ, единственно съ той цѣлью, чтобы всѣ эти логаріемы отравились къ чорту и чтобы намъ опять по своей глупой волѣ пожить! Это бы еще ничего, но обидно то, что вездѣ непремѣнно послѣдователей найдеть: такъ человѣкъ устроенъ. И все это отъ самой пустѣйшей причины, о которой бы, кажется, и упоминать не стоить: именно оттого, что человѣкъ всегда и вездѣ, кто бы онъ ни былъ, любилъ дѣйствовать такъ, какъ хотѣлъ, а вовсе не такъ, какъ повелѣвали ему разумъ и выгода; хотѣть же можно и противъ собственной выгоды, а иногда и положительно должно. Свое собственное, вольное и свободное хотѣнье, свой собственный, хотя бы самый дикій капризъ, своя фантазія, раздраженная иногда хоть бы до сумасшествія,—вотъ это то все и есть та самая пропущенная, самая выгодная система, которая ни подъ какую классификацію не подходитъ и отъ которой всѣ системы и теоріи постоянно разлетаются къ чорту. И съ чего это взяла всѣ эти мудрецы, что чеповѣку надо какого то нормальнаго, какого то добродѣтельнаго хотѣнія? Съ чего это непремѣнно вообразили они, что чеповѣку необходимо непремѣнно благообразно - выгодное хотѣние? Чеповѣку надо одного только *самостоятельнаго* хотѣнія, чего бы эта самостоятельность ни стоила и къ чему бы ни привела".

Отрывокъ этотъ даетъ понятіе объ этой своеобразной и ѣдкой критикѣ картинъ будущаго государства во вкусѣ Беллами и под. Но еще болѣе мрачныя и трагическія тоны слышатся, когда Достоевскій говоритъ о нравственныхъ опустошеніяхъ, связанныхъ съ утратой вѣры и высшаго смысла жизни, которыя ощутитъ чеповѣчество лишь вмѣстѣ съ соціальными успѣхами въ «государствѣ будущаго», устроившись безъ Бога. Проблема атеизма, настоящаго и будущаго, постоянно волновала Достоевскаго, если не за себя, то за другихъ. Вспомните это погрязшающее мѣсто изъ разговора «Подростка» съ Версильовымъ и слова этого послѣдняго:

«Я представляю себѣ, милый мой,—началь онъ съ задумчивой улыбкой,—что бой уже кончился и борьба улеглась. Послѣ проклятій, комевъ грязи и свистковъ, настало затишье, и люди остались *одни*, какъ желали: великая прежняя идея оставила ихъ; великій источникъ силъ, до сихъ поръ питавшій и грѣвшій ихъ, отходилъ, какъ то величавое зовущее солнце

въ картинѣ Клода Лоррена, но это былъ бы уже какъ бы послѣдній день человѣчества. И люди вдругъ поняли, что они остались одни, и разомъ почувствовали свое великое сиротство. Милый мой мальчикъ, я никогда не могъ вообразить себѣ людей неблагодарными и оглупѣвшими. Осиротѣвшіе люди точно такъ же стали бы прижиматься другъ къ другу тѣснѣе и любовнѣе; они схватились бы за руки, понимая, что теперь лишь они одни составляютъ все другъ для друга. Исчезла бы великая идея безсмертія и приходилось бы замѣнить ее; и весь великій избытокъ прежней любви къ Тому, Который былъ и Безсмертіе, обратился бы у всѣхъ на природу, на міръ, на людей, на всякую былинку. Они возлюбили бы землю и жизнь неудержимо и въ той мѣрѣ, въ какой постепенно сознавали бы свою преходимость и конечность и уже особенной, уже не прежнею любовью. Они стали бы замѣчать и открывали бы въ природѣ такія явленія и тайны, какихъ и не предполагали прежде, ибо смотрѣли бы на природу новыми глазами, взглядомъ любовника на возлюбленную. Они просыпались бы и спѣшили бы цѣловать другъ друга, торопясь любить, создавая, что дни коротки, что это—все, что у нихъ остается. Они работали бы другъ на друга, и каждый отдавалъ бы всѣмъ все свое состояніе и тѣмъ однимъ былъ бы счастливъ. Каждый ребенокъ зналъ бы и чувствовалъ, что всякій на землѣ ему какъ бы отецъ и мать. „Пусть завтра послѣдній день мой,—думалъ бы каждый, смотря на заходящее солнце;—но все равно я умру, но останутся всѣ они, а послѣднихъ дѣти ихъ“,—и эта мысль, что они останутся, все также любя и трепеща другъ за друга, замѣнила бы мысль о загробной встрѣчѣ. О, они торопились бы любить, чтобы заглушить великую грусть въ сердцахъ ихъ. Они были бы горды и смѣлы за себя, но сдѣлались бы робкими другъ за друга; каждый трепеталъ бы за жизнь и за счастье каждаго. Они стали бы нѣжны другъ къ другу и не стыдились бы того, какъ теперь, и ласкали бы другъ друга, какъ дѣти. Встрѣчаясь, смотрѣли бы другъ на друга глубокимъ и осмысленнымъ взглядомъ, и во взглядахъ ихъ была бы любовь и грусть“...

Достоевскій самъ не выдерживаетъ безмѣрной, трагической и безысходной грусти этой картины (столь отличающейся отъ фантазіи проф. Мечникова и под.), она кончается всетаки появленіемъ Христа: «Я не могъ обойтись безъ Него,—говоритъ Версильовъ,—не могъ не вообразить Его, наконецъ, посреди осиротѣвшихъ людей. Онъ приходилъ къ нимъ, простиралъ къ нимъ руки и говорилъ: «Какъ могли вы забыть Его?» Тутъ какъ бы пелена спадала со всѣхъ глазъ и раздавался бы великій и восторженный гимнъ новаго и послѣдняго воскресенія...» Вотъ думы, которыя волновали Достоевскаго относительно «государства будущаго» и которыя такъ далеки и чужды тому, чѣмъ обычно довольствуются по этому вопросу. И какъ же было не возникнуть взаимнымъ недоразумѣніямъ при такой разницѣ?

Намъ предстоитъ теперь коснуться политическихъ мнѣній Достоевскаго, этой самой слабой стороны всего его міро-

воззрѣнія. Извѣстно, что онъ былъ политическимъ славянофиломъ и отрицалъ конституціонализмъ во имя идеальнаго самодержавія. Исходя изъ этого общаго принципа, въ роли политическаго публициста, которую по странному пристрастію онъ охотно бралъ на себя, какъ ни мало, въ сущности, онъ былъ ей сроденъ, онъ развивалъ идеи внѣшней и внутренней политики, приближающіяся къ тому, что можно назвать націоналистическимъ имперіализмомъ. Каждая основная ошибка имѣетъ свою логику и, пройденная до конца въ своихъ отдаленнѣйшихъ заключеніяхъ, приводитъ къ явному абсурду. Подобные абсурды наряду съ глубочайшими прозрѣніями встрѣчаются и въ публицистикѣ Достоевскаго, и они представляютъ благодарный матеріалъ для враждебной и поверхностной критики, пользующейся ими для политическаго изобличенія ненавистнаго имъ не столько въ этихъ внѣшнихъ проявленіяхъ, сколько во внутреннихъ основахъ міровоззрѣнія. Если оторвать эти черты отъ генетической связи и прямо сопоставлять ихъ съ основными пунктами его міровоззрѣнія, получается какъ будто зіяющее противорѣчіе, которое психологически, однако, совсѣмъ не такъ велико, какъ логически. Въ отношеніи Достоевскаго къ внутреннимъ вопросамъ русской жизни, какъ и у всего славянофильства, отъ котораго онъ здѣсь не отличается, проявляется прежде всего фактическая историческая ошибка, преувеличеніе способностей, идеализація самодержавія. Эта ошибка, столь невозможная для насъ, въ атмосферѣ 60-хъ годовъ, послѣ крестьянской реформы, вся недостаточность которой выяснилась не сразу, и позже, послѣ либеральныхъ реформъ, смѣнившихъ мрачный режимъ предшествующаго царствованія, была гораздо допустимѣе и понятнѣе, и многіе тогда отдавались этому настроенію, идеалы демократическаго, свободолюбиваго самодержавія тогда не звучали такимъ явнымъ и рѣжущимъ абсурдомъ, какъ теперь въ эпоху бюрократическаго самовластия. Конечно, если бы Достоевскій, И. С. Аксаковъ и другіе честные славянофилы дожили до нашихъ дней внутренней и внѣшней Цусимы, они примкнули бы—я въ этомъ совершенно убѣжденъ—къ освободительному движенію, хотя, конечно, имѣя свой особенный голосъ, не затерялись бы въ этомъ разноголосомъ хорѣ. Но такого объясненія, конечно, мало. Въ отрицательномъ настроеніи Достоевскаго

къ освободительному движенію 60-хъ и 70-хъ годовъ называется и своеобразный душевный вывихъ, нѣкоторая аберація, слѣпота. Въ чемъ ея источникъ? Я вижу его и не только для Достоевскаго, но и для всего славянофильства—въ той религіозно-философской противоположности, какая существовала и по разнымъ историческимъ причинамъ, о которыхъ говорить здѣсь не мѣсто, между славянофильствомъ и западничествомъ. Освободительное движеніе шло подъ флагомъ философскаго нигилизма и матеріализма, ставшаго какъ бы его религіей. И отталкиваясь всѣмъ своимъ внутреннимъ существомъ отъ этого нигилизма, Достоевскій отталкивалъ отъ себя и все, что казалось съ нимъ неразрывно связано, а въ томъ числѣ и конституціонализмъ. Отъ философской лжи противниковъ Достоевскій не успѣлъ отдѣлать политическую правду и связать ее съ своей религіозной правдой. Тогда казалось, что только отрицая религію и можно отрицать самодержавіе, гипнозъ историческаго факта заслонялъ ту истину, что самодержавіе можно и должно отрицать во имя религіозной правды и что именно религіозная критика самодержавія, инстинктивно хватающагося за авторитетъ религіи, есть для него самая убійственная. Это неясно было тогда ни для той, ни для другой стороны, какъ это ясно теперь, въ болѣе позднюю эпоху. Достоевскій съ своимъ міровоззрѣніемъ въ духовной атмосферѣ Базаровскаго нигилизма оставался въ страшномъ подвижническомъ одиночествѣ, а бремя историческаго одиночества, даже возлагаемое на могучія плечи, нельзя нести безъ всякаго вреда для себя, не платясь за него тѣмъ или инымъ духовнымъ уродствомъ. И если Достоевскій отстоялъ себя въ томъ, что было для него самымъ важнымъ, именно въ области религіозно-философской, то исказилась и отчасти изуродовалась, такъ сказать, политическая сторона его души. Здѣсь надо видѣть слѣды не личнаго распада, но историческаго раскола, поистинѣ, *saeculi vitia, non hominis*. На нѣкоторыя несоотвѣтствія и частныя противорѣчивости въ міровоззрѣніи Достоевскаго указывалъ еще В. С. Соловьевъ, духовно столь близкій Достоевскому. И на насъ, на тѣхъ, кто считаетъ себя духовными наслѣдниками и Достоевскаго, и Соловьева и продолжателями ихъ историческаго дѣла, лежитъ теперь задача вправлять этотъ вывихъ, вводить правду освободительнаго политическаго и соціальнаго движенія въ религіоз-

ное сознаніе, а это послѣднее въ это движеніе, мирить этотъ духовный расколъ, засыпать пропасть, которая образовалась, кажется, еще съ петровской реформы и особенно углубилась въ XIX вѣкѣ.

Возвращаясь къ политическому міровоззрѣнію Достоевскаго и другихъ политическихъ славянофиловъ, слѣдуетъ указать, что ихъ приверженность самодержавію ничего общаго не имѣетъ съ вождедѣніями теперешнихъ охранителей и реакціонеровъ. Достоевскій отстаивалъ самодержавіе во имя свободы народной—какъ ни странно такое словосочетаніе, но это фактъ. Будучи по непосредственному опыту знакомъ съ отрицательными сторонами западнаго парламентаризма, онъ не вѣрилъ въ его плодотворность въ Россіи, противопоставляя этому, конечно, не идеальному, но все же исторически лучшему пока политическому режиму, идеальное, но не существующее самодержавіе и, подобно всѣмъ славянофиламъ, плохой, но все же живой ломовой лошади предпочитая кровнаго, но лишь нарисованнаго, арабскаго скакуна. Отношеніе царя къ народу онъ конструировалъ какъ отца и дѣтей, отводя въ этой конструкціи мѣсто и совѣщательному народному представительству: «оказать до вѣрїе» народу призывалъ онъ въ послѣднемъ «Дневникѣ писателя», почти наканунѣ 1-го марта. «У насъ гражданская свобода,—писалъ онъ здѣсь же,—можетъ водвориться самая полная, полнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь въ мірѣ, въ Европѣ или даже въ Сѣверной Америкѣ... Не письменнымъ листомъ утвердится, а созиждется лишь на дѣтской любви къ царю, какъ къ отцу, ибо дѣтямъ можно многое такое позволить, что и немислимо у другихъ, у договорныхъ народовъ, дѣтямъ можно столь многое довѣрить и столь многое разрѣшить, какъ нигдѣ еще не было видано». Вотъ о какомъ самодержавіи мечталъ Достоевскій, оттолкнувшись отъ западническаго конституціонализма. Судите сами, могъ бы онъ остаться вѣренъ этому самодержавію, если бы былъ живъ теперь, послѣ того, какъ послѣднюю четверть вѣка такъ грубо и безжалостно попирались эти мечты! Здѣсь была оптический обманъ, историческая иллюзія, но не ошибка нравственнаго сужденія.

Какъ извѣстно, Достоевскій вѣрилъ въ исключительную миссію русскаго народа, народа-богоносца, какъ называлъ онъ его, ему онъ приписывалъ въ пушкинской рѣчи черты

всечеловѣка, исканіе всечеловѣческой правды, всечеловѣческаго примиренія. Вѣра въ народъ, почти религіозная вѣра Достоевскаго, находясь въ связи съ его эсхатологическими представленіями, есть вообще въ высшей степени важный, центральный фактъ его проповѣди. Иногда она вводила его въ соблазнъ націонализма, въ какой не вводила уже Вл. Соловьева, всецѣло ее раздѣлявшаго, но вообще духовно грѣла его и совершенно неотъемлема отъ всего его духовнаго существа. Въ эти мучительные дни нравственнаго паденія русскаго народа, въ этой атмосферѣ всеобщаго озвѣренія и одичанія, я часто думалъ послѣднее время о Достоевскомъ. Выдержала ли бы его вѣра эти мучительныя испытанія, что онъ чувствовалъ и говорилъ бы, если бы былъ живъ теперь? Въ концѣ концовъ я отвѣтилъ себѣ на этотъ вопросъ всетаки утвердительно. Кто скажетъ, какихъ мукъ стоило бы это ему—врѣзались бы еще глубже морщины и искривились бы еще болѣе сосредоточеннымъ страданіемъ уста, но онъ справился бы съ собой, ибо звѣринаго образа, смраднаго грѣха, безпомощности противъ искушеній и даже виртуозной жестокости онъ и не отрицалъ за своимъ народомъ. Въ томъ же послѣднемъ «Дневникѣ писателя» онъ писалъ между прочимъ (и это повторяется у него въ разныхъ мѣстахъ):

„пусть, всетаки, пусть въ нашемъ народѣ звѣрство и грѣхъ, но вотъ что въ немъ неоспоримо: это именно то, что онъ въ своемъ цѣломъ, по крайней мѣрѣ (и не въ идеалѣ только, а въ самой заправской дѣйствительности), никогда не принимаетъ, не приметъ и не захочетъ принять своего грѣха за правду! Онъ согрѣшитъ, но всегда скажетъ, рано ли, поздно ли: я сдѣлалъ неправду. Если согрѣшившій не скажетъ, то другой за него скажетъ, и правда будетъ восполнена. Грѣхъ есть смрадъ, и смрадъ пройдетъ, когда возсіяетъ солнце вполнѣ. Грѣхъ есть дѣло преходящее, а Христосъ вѣчное. Народъ грѣшитъ и пакостится ежедневно, но въ лучшія минуты, во Христовы минуты, онъ никогда въ правдѣ не ошибется. То именно и важно, во что народъ вѣритъ, какъ въ свою правду, въ чемъ ее полагаетъ, какъ ее представляетъ себѣ, что ставитъ своимъ лучшимъ желаніемъ, что возлюбилъ, чего просить у Бога, о чемъ молитвенно плачетъ. А идеалъ народа—Христосъ. А съ Христомъ, конечно, и просвѣщеніе, и въ высшія, роковыя минуты свои народъ нашъ рѣшаетъ и рѣшалъ всякое общее дѣло свое всегда по-христіански“.

Вотъ что отвѣчалъ на аналогичные вопросы Достоевскій въ свое время и что отвѣтилъ бы теперь. Послѣ горя и позора послѣднихъ лѣтъ и одного прошлаго года ослабилась ли духовная связь, солидарность наша съ народомъ, стали ли

мы ему болѣе чужды, меньше ли мы любили и вѣрили въ этотъ народъ, темный, растлѣваемый, столь легко становящійся орудіемъ темныхъ силъ? Нѣтъ, но мучительнѣй. Есть кровная привязанность, при которой причиняемая мука только сильнѣе привязываютъ, только окончательнѣе покоряютъ, научаютъ любить и прощать, любить не за что-нибудь, но какъ будто, хотя это на самомъ дѣлѣ и невѣрно, вопреки всему. Такой любовью Достоевскій любилъ народъ русскій и ей онъ не измѣнилъ бы до конца. Но какъ нуженъ былъ бы онъ намъ теперь, въ тѣ дни, когда нѣмѣло даже могучее перо Толстого, какъ съ своимъ пламенѣющимъ сердцемъ и мучительной совѣстью, со всей правдой и гнѣвомъ пророческаго обличенія ударилъ бы онъ по сердцамъ своимъ словомъ, какъ разилъ бы онъ враговъ правды, враговъ русскаго народа; но приходится намъ роковой частью нашей исторіи переживать безъ Достоевскаго, да съ него то было довольно и того, что онъ уже пережилъ... Позвольте мнѣ заключить эту характеристику проникновенными словами В. С. Соловьева, указывающими самую драгоценную особенность духовной индивидуальности Достоевскаго:

„Въ томъ то и заслуга, въ томъ то и все значеніе такихъ людей, какъ Достоевскій, что они не преклоняются передъ силой факта и не служатъ ей. Противъ этой грубой силы того, что существуетъ, у нихъ есть духовная сила вѣры въ истину и добро—въ то, что должно быть. Не искушаться видимымъ господствомъ зла и не отречься ради него отъ невидимаго добра—есть подвигъ вѣры. Въ немъ вся сила человѣка. Кто неспособенъ на этотъ подвигъ, тотъ ничего не сдѣлаетъ и ничего не скажетъ человѣчеству. Люди факта живутъ чужою жизнью, но не они творятъ жизнь. *Творятъ жизнь* люди вѣры. Это тѣ, которые называются мечтателями, утопистами, юродивыми,—они же пророки, истинно лучшіе люди и вожди человѣчества. Такого человѣка мы сегодня поминаемъ“¹⁾.

Къ этой характеристикѣ отъ себя я прибавлю еще одну только черту. Современное человѣчество, которое лелѣетъ золотые сны о покоѣ и счастьѣ будущихъ поколѣній и ради этихъ сновъ приносить столько жертвъ, все же въ глубинѣ своей души, въ интимнѣйшихъ своихъ порывахъ чтитъ только страданіе, вольное, жертвенное и даже невольное. Отчего такъ дороги намъ, такъ невольно склоняютъ наши почтительныя головы освобожденные шлиссельбуржцы и другіе страдалцы-мученики освободительнаго дви-

¹⁾ Собр. соч. В. С. Соловьева, т. III, 185.

женія? Достоевскій, какъ никто, почувствовалъ и выразилъ эту коренную общечеловѣческую черту. Вспомните мучительную сцену Раскольникова съ Соней, когда онъ вдругъ опускается на колѣни и цѣлуетъ ей ногу.

„— Что вы, что вы это? Передо мною!—пробормотала она, поблѣднѣвъ, и больно-больно сжалось вдругъ ея сердце.

Онъ тотчасъ всталъ.

— Я не тебѣ поклонился, я всему страданію человѣческому поклонился,—какъ то дико произнесъ онъ и отошелъ къ окну“.

Вы помните также, какъ святой старецъ кланяется Дмитрію Карамазову въ ноги, предчувствуя, на какое страданіе онъ обреченъ. Можно по разному объяснять это, но въ этихъ чувствахъ, въ этихъ переживаніяхъ выражена какая то глубокая и значительная правда. Поклонимся же и мы святынѣ человѣческаго страданія въ лицѣ нашего писателя, чело котораго, вмѣстѣ съ лучемъ безсмертія, вѣнчается самый высшій вѣнецъ, какого можетъ удостоиться человѣкъ, *вѣнецъ терновый!..*

С. Булгаковъ.

Къ вопросу о предстоящей аграрной реформѣ.

(По поводу статей А. А. Кауфмана).

Ближайшимъ поводомъ къ составленію настоящаго очерка послужила статья уважаемаго А. А. Кауфмана „Гдѣ взять земли?“ (№ 10 Пол. Зв.), въ которой имѣются, между прочимъ, ссылки на нѣкоторые мѣста изъ моей книги „Крестьянское травопольное хозяйство въ нечерноземной полосѣ Европейской Россіи“. Первоначально я хотѣлъ ограничиться выясненіемъ недоразумѣній съ этими ссылками. Но таковы уже свойства аграрнаго вопроса, что нельзя въ немъ затронуть малѣйшей детали безъ того, чтобы не явилась надобность коснуться и цѣлаго ряда другихъ вопросовъ, тѣсно съ этой деталью связанныхъ. Въ концѣ концовъ первоначально задуманная небольшая замѣтка выросла въ цѣлую статью, въ которой пришлось коснуться вопросовъ, затронутыхъ въ нѣсколькихъ статьяхъ А. А. Кауфмана. Замѣчу кстати, что и самое желаніе выяснить мое разногласіе съ А. А. Кауфманомъ по частному вопросу у меня явилось именно потому, что въ общемъ его взгляды на аграрный вопросъ сходны съ моими. Въ особенности велико это сходство въ оцѣнкѣ значенія подъема производительности сельскаго хозяйства. По этому важному вопросу я и хотѣлъ бы прежде всего высказать нѣсколько соображеній въ дополненіе къ тѣмъ, какія мнѣ уже приходилось высказывать печатно.

Вмѣстѣ съ А. А. Кауфманомъ я полагаю, что *радикальное* рѣшеніе аграрнаго вопроса путемъ осуществленія одной земельной реформы, безъ *одновременнаго* энергичнаго проведенія мѣропріятій культурнаго характера — положительно немыслимо. Скажу болѣе: я очень опасаюсь, что *одна* земельная реформа, какъ бы широко она ни была проведена, не будетъ имѣть значенія даже серьезнаго палліатива.

Не буду повторять доводовъ, сдѣлавшихся болѣе или менѣе общеизвѣстными. Остановлюсь лишь на одномъ изъ

нихъ и попытаюсь освѣтить его съ фактической стороны. Когда высказываютъ опасеніе, что крестьяне, перейдя къ обработкѣ болѣе крупныхъ надѣловъ съ *прежними* приемами техники и съ прежними размѣрами капитала, — поведутъ хозяйство еще болѣе экстенсивное, а слѣдовательно и еще менѣе производительное, то, помимо общихъ соображеній, ссылаются нерѣдко на показанія урожайной статистики въ мѣстностяхъ малоземельныхъ и многоземельныхъ. Такія ссылки однако недостаточно убѣдительны, потому что средній крестьянскій урожай какого-либо района складывается подъ вліяніемъ очень большаго числа факторовъ, причемъ измѣреніе силы вліянія каждаго изъ нихъ въ отдѣльности возможно лишь послѣ тщательнаго статистическаго анализа. Гораздо убѣдительнѣе показанія той же урожайной статистики, сопоставленныя съ цифрами земельного обезпеченія, *внутри* небольшихъ территоріальныхъ единицъ, слѣдовательно при прочихъ приблизительно равныхъ условіяхъ. Вотъ, на примѣръ, табличка, показывающая связь между величиной надѣла и урожаями ржи (въ мѣрахъ на десятину) въ Московской губерніи ¹⁾.

Группы волостей.	Надѣлы.	Урожай ржи.
I	0. ₉₃ — 1. ₉₄	47. ₀
II	1. ₉₅ — 2. ₄₁	46. ₅
III	2. ₄₂ — 2. ₈₁	43. ₂
IV	2. ₈₂ — 4. ₁₅	42. ₄

Мы видимъ здѣсь ясно выраженную обратную зависимость между величиною надѣла и урожаями ржи: чѣмъ *выше* надѣлъ, тѣмъ *ниже* урожай ржи. Дальнѣйшій статистическій анализъ показываетъ, что объясненіе указаннаго факта кроется въ различной удобряемости пашни, которая, въ свою очередь, зависитъ отъ большаго количества скота на 1 дес. пара въ группахъ, менѣе обезпеченныхъ землею. Приведемъ подобную же табличку по тремъ уѣздамъ Тверской губерніи (Тверскому, Осташковскому и Зубцовскому), гдѣ на группы были разбиты не волости, а *хозяйства*, причемъ къ I-ой группѣ отнесены хозяйства, высѣвающія отъ одной до 10 мѣръ (менѣе 1 дес.), къ II-ой группѣ —

¹⁾ Московская губ. по мѣстному обследованію 1898—1900 г.г. т. II, вып. 1, стр. 14 и сл.

хозяйства съ высѣвомъ отъ 10 до 20 мѣръ (1—2 дес.) и къ III-ей группѣ—хозяйства съ высѣвомъ отъ 20 и болѣе мѣръ (болѣе 2 дес.). ¹⁾

	Крупн. скота на десятину.	Урожай ржи (самъ).
I	3.5	4.5
II	2.8	3.9
III	2.3	3.3

Такимъ образомъ, получается тотъ же самый выводъ и при подворныхъ сопоставленіяхъ. Не подтверждаютъ ли эти данныя лишній разъ, что *одновременно* съ расширеніемъ надѣла необходимо позаботиться о томъ, чтобы крестьяне получили возможность хозяйничать по крайней мѣрѣ не менѣе интенсивно, нежели теперь? Въ противномъ случаѣ легко могутъ получиться результаты, совершенно не оправдывающіе тѣхъ огромныхъ пожертвованій и даже потрясеній, съ коими неизбежно связано широкое проведеніе земельной реформы.

Но и обратно: если бы мы вздумали обосновать всю аграрную реформу только на культурныхъ улучшеніяхъ, съ присоединеніемъ шаблонныхъ мѣръ земельной политики (крестьянскаго банка, переселеній и пр.), то опять-таки не двинулись бы съ мѣста. Справедливость этого мнѣнія едва ли нужно теперь долго доказывать. Прежде всего, безъ одновременнаго осуществленія земельной реформы — сельскохозяйственныя улучшенія не коснутся очень многихъ категорій крестьянства. Опытъ земской агрономической дѣятельности показалъ, что проводить въ крестьянскую среду какія бы то ни было улучшенія сельскохозяйственной техники тѣмъ труднѣе, чѣмъ скуднѣе земельный надѣлъ. Наиболѣе обдѣленные землею остаются при этомъ надолго совершенно внѣ сферы вліянія агрономической помощи. И во всякомъ случаѣ для того, чтобы при такихъ условіяхъ сельскохозяйственныя улучшенія проникли во всѣ слои крестьянскаго населенія, необходимъ очень продолжительный срокъ. Между тѣмъ ждать нельзя. Необходимо немедленно же прійти на помощь *всему* крестьянскому населенію, надъ которымъ уже нависла угроза быстрого физическаго вырожденія. А для

¹⁾ Красноперовъ. Условія крупнаго и мелкаго крестьянскаго хозяйства (Р. В. 1899 г. № 187).

этого и необходимо немедленно же устранить земельную тѣсноту, сообразуясь по возможности съ нормами *существующей* производительности хозяйства и съ *существующими* пока системами земледѣлія. Такимъ путемъ, и только такимъ путемъ, мы обезпечимъ достаточно быстрый и притомъ равномѣрный успѣхъ агрикультурной политики.

Здѣсь мы, повидимому, нѣсколько расходимся во взглядахъ съ А. А. Кауфманомъ, который, въ одной изъ своихъ послѣднихъ статей (Р. В. № 52) дѣлаетъ слѣдующее интересное замѣчаніе по поводу дополнительнаго надѣленія по нормамъ положенія 1861 г.:

„...Эти нормы при существующихъ способахъ хозяйства могутъ только затянуть уже надвинувшійся кризисъ устарѣлыхъ формъ земледѣльческаго хозяйства, могутъ только продлить то полуголодное существованіе, которое эти отжившія свой вѣкъ формы обезпечиваютъ нашему крестьянину“.

Все это вполнѣ справедливо, но при условіи *односторонняго* проведенія аграрной реформы. Если же *одновременно* съ земельной реформой будутъ проводиться настойчиво и планомерно также и мѣры культурнаго характера, то о продленіи уже начавшейся агоніи отжившихъ свой вѣкъ формъ хозяйства не можетъ быть и рѣчи.

Я не считаю возможнымъ и умѣстнымъ распространяться здѣсь о томъ, въ чемъ именно должны заключаться эти мѣры культурнаго характера. Но мнѣ хотѣлось бы сдѣлать нѣсколько замѣчаній по поводу довольно обычныхъ недоразумѣній. Такъ, напримѣръ, нерѣдко предполагается, что мѣры агрикультурныя имѣютъ характеръ въ узкомъ смыслѣ просвѣтительный, т. е. сводятся къ устной и печатной пропагандѣ сельскохозяйственныхъ знаній, къ школьному обученію и пр. Въ дѣйствительности же эти мѣры неразрывно связаны съ организаціей мелкаго и меліоративнаго кредита, съ прямой технической помощью на мѣстахъ при осуществленіи отдѣльныхъ улучшеній и т. д. А при такомъ характерѣ агрикультурная политика можетъ рассчитывать на успѣхъ и среди населенія оскудѣвшаго, малокультурнаго и инертнаго. Но само собою разумѣется, что *быстрота* этихъ успѣховъ будетъ рости пропорціонально успѣхамъ общей культуры.

Но гораздо опаснѣе для дѣла недоразумѣніе, заключающееся въ утвержденіи, что переходъ къ болѣе интенсивнымъ системамъ земледѣлія—это вопросъ исключительно рыноч-

ныхъ конъюнктуръ. Такъ какъ въ Россіи, при слабомъ развитіи индустріи и ничтожной численности городского населенія, эти конъюнктуры неблагоприятны, то и существующія экстенсивныя формы крестьянскаго хозяйства находятъ себѣ полное оправданіе. Отсюда выводъ, что агрикультурная реформа—дѣло болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго, а сейчасъ нужна только земельная реформа. Но вѣдь рыночныя условія указываютъ лишь на извѣстный (и пока весьма отъ насъ удаленный) предѣлъ интенсификаціи, препятствуютъ немедленному переходу къ строгому плодосмѣну съ новымъ подборомъ полевыхъ растеній и т. п., но отнюдь не узаконяютъ такихъ явленій, какъ сорокапудовая норма урожая въ и навозное скотоводство. И это тѣмъ болѣе, что крестьянское хозяйство не работаетъ исключительно для рынка, а до сихъ поръ имѣетъ полупотребительскій характеръ. Можно поэтому смѣло сказать, что существующіе у насъ крестьянскіе способы веденія хозяйства не фатальный продуктъ рыночныхъ условій, а просто наглядное выраженіе культурной отсталости и хозяйственнаго упадка.

Если бы нужно было сжато формулировать основную задачу аграрной реформы (понимаемой, какъ земельно-культурная), то я сказалъ бы, что она сводится къ тому, чтобы сдвинуть наше застывшее въ своихъ формахъ крестьянское хозяйство съ мертвой точки и создать условія, при которыхъ производительность хозяйства могла бы увеличиваться по мѣрѣ неизбѣжнаго уменьшенія нормъ душевого земельного обезпеченія.

Эта общая формула, однако, ничего не говоритъ о желательныхъ способахъ рѣшенія входящаго въ составъ аграрной проблемы земельного вопроса и, въ частности, о томъ, какое должно быть установлено отношеніе къ земельной площади владѣльческаго хозяйства. Послѣдній частный вопросъ земельной реформы приобрѣтаетъ, разумѣется, особенно острый интересъ для всѣхъ, кто считаетъ болѣе или менѣе выясненнымъ, что нельзя искать рѣшенія земельного вопроса въ переселеніи и что въ предѣлахъ Европейской Россіи наличнаго фонда удобныхъ государственныхъ и удѣльныхъ земель далеко недостаточно для надѣленія крестьянъ по самымъ скромнымъ нормамъ.

Спѣшу прежде всего оговориться, что при рассмотрѣніи вопроса о судьбѣ помѣщичьяго хозяйства я исхожу изъ

признанія за государствомъ безусловнаго права на принудительное отчужденіе частновладѣльской земли въ любомъ размѣрѣ. Поэтому для меня вопросъ о предѣлахъ ликвидаціи частновладѣльческаго хозяйства не вопросъ принципа, а вопросъ практической цѣлесообразности. А при такой постановкѣ вопроса прежде всего необходимо взвѣсить по отношенію къ каждой изъ главныхъ категорій владѣльческаго хозяйства выгоды и невыгоды немедленной ликвидаціи.

Для довольно значительной категоріи имѣній этотъ вопросъ рѣшается очень просто. Имѣнія, служація только рентнымъ фондомъ, или такія, въ которыхъ все хозяйство основано на замаскированной барщинѣ (на отработкахъ за отрѣзки, на заблаговременномъ наймѣ и пр.) и вообще на крѣпостническихъ формахъ эксплуатаціи окружающаго населенія, конечно, могутъ быть ликвидированы полностью и немедленно съ прямой и очевидной выгодой для крестьянства.

Гораздо сложнее вопросъ о тѣхъ имѣніяхъ, въ которыхъ ведется самостоятельное хозяйство безъ крѣпостническихъ формъ эксплуатаціи окружающаго населенія. При оцѣнкѣ значенія этой категоріи хозяйствъ прежде всего возникаетъ вопросъ о заработкахъ, вопросъ тѣмъ болѣе серьезный и умѣстный, что различіе между фактической производительностью хозяйствъ частновладѣльческихъ и крестьянскихъ мѣстами очень рѣзкое, и поэтому значительный перевѣсъ зарботковъ надъ вѣроятною доходностью самостоятельнаго крестьянскаго хозяйства въ тѣхъ же имѣніяхъ вполне допустимъ. А разъ это такъ, то немедленная ликвидація всѣхъ имѣній этой категоріи нанесла бы огромный ущербъ интересамъ самихъ же крестьянъ. Но рѣшеніе практическаго вопроса, какая именно часть имѣній должна быть сохранена по этимъ соображеніямъ, возможно, разумѣется, лишь на мѣстахъ, путемъ безпристрастнаго учета цифровыхъ данныхъ.

Осторожное рѣшеніе вопроса о ликвидаціи имѣній этой категоріи тѣмъ болѣе необходимо, что помимо интересовъ ближайшаго къ этимъ имѣніямъ населенія приходится еще принимать во вниманіе и интересы всей страны, которые, въ конечномъ счетѣ, не могутъ не быть противоположны интересамъ какой бы то ни было части населенія.

Дѣло въ томъ, что въ сельскомъ хозяйствѣ, въ отличіе отъ индустріи, крупныя хозяйства дѣйствительно могутъ выполнять нѣкоторыя особыя и въ общей системѣ народнаго

хозяйства необходимыя функціи. Существуютъ извѣстныя отрасли хозяйства, которыя *по самой своей технической сущности* не могутъ вестись успѣшно въ маломъ масштабѣ. Сюда относятся всѣ отрасли племенного животноводства, всѣ отрасли животноводства экстенсивнаго (напр. табунное коневодство), производство посѣвныхъ сѣмянъ и пр. Уничтожить хозяйства съ такими отраслями значило бы часто уничтожить и эти отрасли, что конечно недопустимо съ точки зрѣнія интересовъ всей страны. Поэтому извѣстная часть хозяйствъ этой категоріи должна быть сохранена. На долго ли? Это всецѣло зависитъ отъ дальнѣйшаго культурнаго развитія нашей деревни и, въ частности, отъ развитія кооперативнаго движенія. Совершенно очевидно, что отрасли хозяйства, недоступныя сейчасъ отдѣльнымъ крестьянскимъ хозяйствамъ, сдѣлаются вполнѣ доступными правильно организованнымъ трудовымъ земледѣльческимъ ассоціаціямъ или соотвѣтственно преобразованнымъ поземельнымъ общинамъ.

Нѣсколько иначе разрѣшается вопросъ о частныхъ хозяйствахъ, *какъ разсадникахъ и проводникахъ сельскохозяйственной культуры*.

А. А. Кауфманъ склоненъ цѣнить очень высоко эту культурную функцію частновладѣльческаго хозяйства и притомъ не только въ прошломъ, но и въ ближайшемъ будущемъ. Оцѣнивая сравнительное значеніе въ данномъ отношеніи общественной агрономіи и владѣльческаго хозяйства, г. Кауфманъ, между прочимъ, говоритъ: „Чтобы общественная агрономія заняла подобающее ей мѣсто въ народной экономіи, для этого нужно, чтобы существующіе скромные ея зачатки развились въ стройную и законченную систему... А до тѣхъ поръ владѣльческое хозяйство не отслужило еще своей службы, и исторія нашей общественной агрономіи доказываетъ это лучше всего“ („Пол. Зв.“ стр. 702). Въ подтвержденіе своего мнѣнія о крупномъ культурномъ значеніи частновладѣльческаго хозяйства г. Кауфманъ приводитъ выдержки изъ моей книги о крестьянскомъ травопольномъ хозяйствѣ. Но при этомъ А. А. Кауфманъ упускаетъ изъ виду, что моя оцѣнка относится къ тому прошлому, когда общественной агрономіи не было и въ зародышѣ. Дѣйствительно, отрицать культурныя заслуги частнаго землевладѣнія въ прошломъ—это значило бы отрицать факты. Въ частности не подлежитъ, напримѣръ, никакому сомнѣнію, что

вліяніе на крестьянъ частновладѣльческихъ хозяйствъ въ подмосковномъ клеверномъ районѣ выразилось въ томъ, что здѣсь ранѣе, чѣмъ гдѣ-либо зародилось самостоятельное крестьянское „клеверное движеніе“, чрезвычайно облегчившее послѣдующее *планомирное* примѣненіе организованной агрономической помощи, имѣвшей цѣлью посодѣйствовать крестьянамъ перейти къ новымъ формамъ полевого хозяйства. Не менѣе справедливо и то, что въ крестьянской Вятской губерніи, гдѣ такое культурное взаимодействіе между хозяйствами частновладѣльческими и крестьянскими не могло имѣть мѣста, задача общественной агрономіи оказалась гораздо болѣе сложной и дѣятельность менѣе продуктивной по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ. Но не забудемъ, что повсюду съ появленіемъ организованной общественной агрономической помощи указанная роль частновладѣльческаго хозяйства свелась почти къ нулю. По крайней мѣрѣ, начиная съ этого момента, всѣ сколько-нибудь выдающіеся агрикультурные успѣхи крестьянскаго хозяйства оказываются связанными именно съ этимъ новымъ источникомъ сельскохозяйственной культуры. Мало этого, за этотъ новѣйшій періодъ можно было бы привести примѣры прямого противодѣйствія со стороны владѣльцевъ тѣмъ агрикультурнымъ начинаніямъ, которыя, по ихъ мнѣнію, могли причинить ущербъ ихъ владѣльческимъ интересамъ. Напримѣръ, въ одномъ изъ уѣздовъ Московской губерніи именно подъ вліяніемъ подобныхъ опасеній была временно закрыта агрономическая организація.

Впрочемъ, иначе и не могло быть. Частновладѣльскія хозяйства (разумѣется не всѣ, а лишь болѣе выдающіяся) играли роль разсадниковъ сельскохозяйственной культуры тогда, когда кругомъ былъ полный мракъ и когда другихъ источниковъ свѣта у населенія не было. Да и при этихъ условіяхъ культурное вліяніе сказывалось обыкновенно непредназначенно, чисто стихійнымъ путемъ, просто въ силу неизбежнаго сосѣдскаго взаимодействія. Поэтому и сельскохозяйственная культура просачивалась въ темную и инертную крестьянскую массу очень медленно и крайне неравномерно, въ зависимости отъ случайнаго распредѣленія болѣе передовыхъ хозяйствъ. Къ тому же, при полномъ отсутствіи техническаго руководства, крестьяне сплошь и рядомъ не умѣли воспользоваться и тѣми крохами, которыя перепали на ихъ долю. Такъ было раньше, но такъ не должно быть впредь.

Но мнѣ скажутъ; пусть такъ, а какъ же быть со всѣми тѣми районами, гдѣ до сихъ поръ нѣтъ никакой агрономической организаціи? Я отвѣчу на это опредѣленно: нужно употребить всѣ усилія, чтобы возможно скорѣе возникла и въ этихъ обдѣленныхъ мѣстахъ планомѣрная агрономическая *общественная* организація. Средства на это найтись должны. Вѣдь находятъ же средства на снаряженіе цѣлыхъ полчищъ вооруженныхъ стражниковъ и на т. п. „аграрныя“ мѣропріятія. Во всякомъ случаѣ, столь важна для экономіи страны функція, какъ планомѣрное содѣйствіе подъему сельскохозяйственной культуры можетъ быть выполнена съ успѣхомъ *только* общественной организаціей.

Отсюда слѣдуетъ, что сохраненіе частновладѣльческихъ хозяйствъ, какъ *разсадниковъ сельско-хозяйственной культуры*, не можетъ быть поддержано достаточно вѣскими доводами. Исключеніе составляютъ тѣ немногія и всѣмъ извѣстныя хозяйства, которыя служатъ источникомъ свѣта не только для окружающихъ крестьянъ, но и для всей земледѣльческой Россіи. Уничтоженіе такихъ культурныхъ оазисовъ было бы, разумѣется, величайшимъ вандализмомъ.

Но совмѣстима ли съ такимъ разнообразіемъ пріемовъ рѣшенія даннаго вопроса возможность установленія нѣкоторыхъ общихъ нормъ, объединяемыхъ какимъ-либо общимъ принципомъ? Другими словами, не приводитъ ли насъ такой взглядъ къ упраздненію того *ratio juris* аграрной реформы, о которомъ еще на прошлогоднемъ весеннемъ аграрномъ совѣщаніи въ Москвѣ съ такимъ вѣсомъ заявилъ г. Родичевъ? Я думаю, что нѣтъ. Аграрная реформа, чтобы быть дѣйствительно жизненной, правда, не можетъ быть сведена къ какимъ-либо универсальнымъ нормамъ, пригоднымъ повсемѣстно. Разнообразіе исторически сложившихся аграрныхъ отношеній такой нивелировкой совершенно не допускается. Извѣстная индивидуализація пріемовъ проведенія реформы неизбежна. Но этимъ нисколько не исключается возможность установленія опредѣленнаго руководящаго принципа, который и долженъ составлять душу аграрной реформы. Какой же это принципъ? Онъ подсказанъ самой жизнью: это принципъ *демократическій*, принципъ верховенства интересовъ народной массы. При свѣтѣ этого принципа и должны разрѣшаться всѣ частные вопросы, входящіе въ составъ грандіозной аграрной реформы.

В. Бажаевъ.

Смертная казнь и государственные интересы.

Не сомнѣваюсь, что приведенное заглавіе способно многихъ покоробить. Прежде всего, нужно ли говорить вообще о смертной казни, когда противъ нея съ такой непоколебимой силой говорить вся наша внутренняя природа, а въ комъ она не говорить, развѣ стоитъ съ тѣмъ и говорить вообще?

А съ другой стороны, какъ и молчать, когда смотришь на все, совершающееся вокругъ, когда на глазахъ общества для борьбы съ внутренними врагами начинаютъ уже примѣняться пытки? Правда, переживаемое время способно иногда поселять самыя горькія сомнѣнія: не есть ли общественное мнѣніе наивный миѳъ и не являются ли наши мысли и чувства, вся искренность и вся продуманность убѣжденій безконечно малой величиной въ столкновеніяхъ, гдѣ дѣло рѣшается исключительно физической силой? Но такое настроеніе опасно, губительно: оно въ концѣ концовъ диктуетъ намъ ложные выводы—ибо, какъ никакъ, учитывая съ историческимъ безстрастіемъ коэффиціенты, такъ сказать, тѣхъ силъ, которыя направляли Россію послѣдніе года къ свободѣ, мы открываемъ сразу, какое видное мѣсто среди нихъ принадлежитъ этому невѣсомому и потому въ глазахъ многихъ нереальному общественному мнѣнію.

И такъ пусть это мнѣніе не только прочувствуетъ, но и продумаетъ во всей глубинѣ проблему смертной казни, и пусть не только въ своей совѣсти, но и въ своемъ разумѣ оно найдетъ силу для борьбы съ ней.

Я не буду говорить ни о святости человѣческой жизни и безнравственности ея отнятія, обставленнаго законными формами, ни о томъ окончательномъ вердиктѣ, который произнесла надъ смертной казнью наука уголовного права.

Но есть еще одна сторона дѣла, которая сравнительно мало останавливала на себѣ вниманіе, а между тѣмъ именно у насъ въ Россіи она его особенно заслуживаетъ. Не то, чтобы здѣсь прибавлялся лишній аргументъ — вопросъ и такъ безспоренъ, но здѣсь открывается вліяніе смертной казни на стороны жизни, которыя, казалось бы, далеко отъ нея отстоятъ. И формулируя его, мы могли бы выразиться такъ: смертная казнь есть институтъ не только глубоко безнравственный и безсмысленный, но и глубоко антигосударственный.

Въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ въ Россіи смертная казнь была по преимуществу орудіемъ якобы государственнаго самосохраненія: простое убійство ею не каралось. И здѣсь проявлялся обычный у насъ контрастъ между относительной, конечно, мягкостью законодательства, охранявшего частную безопасность, и его неумолимою беспощадностью, разъ предполагался замыселъ противъ государственнаго порядка; притомъ къ борьбѣ противъ этого порядка приравнивалось всякое противоправительственное дѣйствіе. Правительство какъ бы отождествляло себя съ государствомъ и всячески приучало само общество дѣлать подобное отождествленіе. Совершенно какъ-будто стиралась граница между мѣрами, направленными противъ данной правительственной системы, противъ данной формы правленія и между покушеніемъ на самыя основы государственнаго быта. Въ глазахъ правительства всякій, боровшійся съ самодержавно-бюрократическимъ строемъ, былъ „анархистъ“. И надо сознаться, что такое политическое воспитаніе оказалось не безуспѣшнымъ; русскому обществу была привита здоровая доза анархизма; жгучая боль отъ пережитыхъ насилій и угнетеній заставляла невольно переносить накопившееся чувство съ данныхъ носителей власти на необходимыя и глубокія условія всякаго государственнаго строя. Одно изъ великихъ историческихъ преступленій нашей бюрократіи и состояло въ томъ, что она совершенно скомпрометировала самую идею государства въ странѣ. Казалось, что это — огромная машина, способная только мучить и приносить себѣ гекатомбы, сила, враждебная всякой свободѣ и всякой культурѣ, все для себя берущая и ничего тѣмъ, ради кого она существуетъ, не дающая. Какъ, дѣйствительно, не сдѣлаться анархистомъ тому, кто слышалъ въ словахъ и дѣй-

ствіяхъ нашей бюрократіи, всѣхъ этихъ Плеве, Дурново и т. п., старыя слова: „государство—это я“?

Неоднократно указывалось, къ какимъ опаснымъ послѣдствіямъ приводитъ утрата въ русскомъ обществѣ этого чувства государственности, какъ она угрожаетъ плодамъ самого освободительнаго движенія. Но если это такъ—а это дѣйствительно такъ — то необходимо прежде всего освободить зарождающійся новый государственный порядокъ отъ того, противъ чего такъ долго возмущалась общественная совѣсть. Необходимо морализировать государство, если хотѣтъ ввести въ его рамки всѣ умственные и нравственные силы, которыя до сихъ поръ расточались и гибли въ борьбѣ съ насиліемъ и произволомъ.

Въ глазахъ нѣкоторыхъ „реальныхъ политиковъ“ эта точка зрѣнія можетъ показаться сентиментальной; они убѣждены, что государственная жизнь сводится къ принужденію и страху. Можно спросить ихъ: неужели въ русской жизни было недостаточно принужденія и страха? Въ итогѣ всей той бездны насилія окрѣпъ ли общественный порядокъ, установился ли миръ отдѣльныхъ народностей, закономѣрные отношенія? Нѣтъ, русская земля, столь обильно обогренная кровью, эта земля, надъ которой въ минуту великаго перелома ея исторической судьбы витаетъ черный призракъ смерти, эта русская земля какъ будто стоитъ наканунѣ распаденія.

Въ такія минуты народной жизни надо дѣйствительно сдѣлаться реальнымъ политикомъ. Утописты тѣ, кто ожидаютъ разрѣшенія великихъ противорѣчій, стоящихъ передъ нами, отъ одной нравственной проповѣди, но еще болѣе утописты тѣ, кто вѣрятъ, что всѣ противорѣчія могутъ быть разрѣшены насиліемъ, что можно безнаказанно оскорблять все, что есть лучшаго въ человѣческой природѣ, что можно изъ нея вырвать чувство справедливости и чувство состраданія.

Пусть же тѣ, кому на долю выпадаетъ созидать новый государственный порядокъ, прислушаются болѣе чутко къ голосу этой природы и пусть они прежде всего покончатъ съ тѣмъ, что всего больнѣе поражало нашу народную совѣсть. Если хотятъ прочнаго строительства, прежде всего навсегда должно исчезнуть изъ обихода государственной жизни это убійство, которое совершаетъ надъ безоружнымъ

всемогущая государственная власть. Но пусть не думают, что это можно откладывать. Каждая смертная казнь, каждое новое разстрѣлянье и повѣшенье толкаетъ Россію къ пропасти, рождаетъ мысли и чувства, что лучше анархія, лучше полное разрушенье, чѣмъ это мучительство. Берегитесь этого опаснѣйшаго для прочности государства строенія, берегитесь, что самая анархія начинаетъ приобретать нравственную привлекательность!

Въ газетахъ промелькнуло извѣстіе, что законъ объ отмѣнѣ смертной казни готовъ. Повидимому, бюрократія боится упустить время: давно военные суды не были такъ завалены дѣлами, давно не обращались такъ легко съ человѣческой жизнью. Чувствуется извѣстный планъ, по которому сначала должны быть уничтожены внутренніе враги, а затѣмъ государственная власть откажется отъ своего права отнимать жизнь. Если здѣсь не говорить простое чувство мести, то люди забываютъ, что изъ крови рождается кровь. Необходимо наконецъ выйти изъ этого ужаснаго заколдованнаго круга смертныхъ казней и политическихъ убійствъ—и первый шагъ долженъ быть сдѣланъ той стороной, въ рукахъ которой всѣ средства принужденія и устрашенія. Это не капитуляція государственной власти передъ его непріятелями, это признаніе ея силы править, не прибѣгая къ убійству людей, находящихся въ его рукахъ. Обязанность подавлять вооруженное возстаніе не имѣетъ ничего общаго съ правомъ казнить обезоруженныхъ. Откладывая исполнить этотъ актъ сегодняшнее правительство готовитъ своимъ завтрашнимъ преемникамъ великія государственныя бѣдствія, и дѣло всѣхъ общественныхъ слоевъ, которые думаютъ объ этомъ завтрашнемъ днѣ, исторгнуть это рѣшеніе у нынѣшняго правительства.

Нельзя, наконецъ, не сказать нѣсколькихъ словъ тѣмъ, кто охотно вспоминаетъ о смертной казни въ Англіи, Германіи, Франціи — въ странахъ, гдѣ государство однако не разрушается. Когда рѣчь идетъ о свободѣ и правѣ, за Россіей признаются историческія своеобразія, своего рода *privilegium odiosum*—она не доросла до этихъ благъ. Но разъ поставленъ вопросъ о висѣлицахъ и разстрѣлахъ, ей съ величайшей охотой предоставляютъ мѣсто въ семьѣ европейскихъ государствъ. Не будемъ говорить о томъ, что всюду смертная казнь уже стала великимъ соблазномъ для общественной

совѣсти. Этотъ аргументъ тоже покажется мало реальнымъ. Но мы хотѣли бы найти въ современной Европѣ положеніе, сколько-нибудь приближающееся къ тому, что совершается теперь въ Россіи. Тяжкіе грѣхи западнаго государства не погашаютъ его соціально-культурныхъ заслугъ, его нравственный капиталъ еще не изжитъ. У насъ новый государственный строй долженъ возродить самую идею государства. Прошлое оставляетъ ему разрушеніе и разложеніе, ненависть и воспоминаніе о пролитой крови.

Ради прочности и жизнеспособности этого новаго строя, которому ввѣряется судьба нашего отечества, ради той внутренней связующей силы, безъ которой все внѣшнее человѣческое могущество повергается въ прахъ, ради всѣхъ, принесшихъ свои силы святому дѣлу освобожденія: долой смертную казнь теперь и навсегда!

С. Котляревскій.

Бойкотъ и его проповѣднику¹⁾.

Первые парламентскіе выборы застали русскій рабочій классъ въ состояніи полного тактическаго разброда. Ни тѣни единства, никакого намека на обдуманнй, проникнутый извѣстной руководящей идеей, образъ дѣйствій. Въ однихъ случаяхъ выборы производятся, въ другихъ,—совершенно аналогичныхъ,—бойкотируются. Бойкотъ выливается мѣстами въ активную, мѣстами—въ пассивную форму. Самые мотивы воздержанія отъ выборовъ крайне разнообразны и порой совершенно неуловимы... Здѣсь и *страхъ*—общій фонъ, на которомъ разыгрывается бойкотъ, и столь свойственный начальной стадіи политическаго развитія *индифферентизмъ*, и *крупницы* воспринятыхъ на вѣру *принципіальныхъ соображеній*.

Партія, стремившаяся сообщить бойкоту характеръ сознательнаго политическаго акта, не могла этого сдѣлать, въ виду наличности въ собственныхъ ея рядахъ коренного разногласія по этому основному тактическому вопросу. Вопреки широко распространенному въ публикѣ мнѣнію, русская социаль-демократія не приняла общаго для всей страны рѣшенія бойкотировать избирательную кампанію. „Большевики“ стоятъ за бойкотъ, „меньшевики“ противъ него. Но „меньшевикамъ“ принадлежить фактически во многихъ мѣстахъ большинство, въ другихъ—социаль-демократическій пролетаріатъ почти по ровну дѣлится между обѣими фракціями. Можно ли при такихъ условіяхъ удивляться, что въ вопросѣ о бойкотѣ дѣйствительно „что ни городъ, то норовъ“, и что самый „норовъ“ этотъ далеко не повсюду отличается одинаково твердымъ и ярко выраженнымъ характеромъ²⁾.

¹⁾ Настоящая статья написана до исхода выборовъ, но мы ее помѣщаемъ, такъ какъ критика идеи бойкота имѣетъ общее значеніе, независимо отъ условій текущаго момента. *Ред.*

²⁾ Въ цѣломъ рядѣ мѣстъ сознательные рабочіе оказываютъ энергическое противодѣйствіе идее бойкота. На состоявшейся недавно конференціи социаль-демократическихъ организацій *Кавказа*, гдѣ были пред-

Отчего *петербургскіе* рабочіе отказались на большинствѣ фабрикъ отъ участія въ избраніи уполномоченныхъ, а въ *Москвѣ*, гдѣ массы не менѣе въ общемъ сознательны, выборы, за немногими исключениями, состоялись? Московскіе социаль-демократы—народъ гораздо болѣе „рѣшительный“, чѣмъ наши. Холодные петербуржцы объявляютъ въ официальномъ комитетскомъ постановленіи „нецѣлесообразными“ такіе приемы бойкота, какъ попытки насильственно разогнать избирательныя собранія, уничтожать относящіеся къ выборамъ документы и тому подобные методы борьбы“. Пылкіе „марксисты“ первопрестольной Москвы рекомендуютъ, напротивъ, пролетаріату,—въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ партійныхъ выпусковъ,—просить сперва обывателей честию, а если это не поможетъ, то попросту „не пущать“ ихъ заниматься подготовкою къ выборамъ, или, иными словами „срывать“ избирательныя собранія ¹⁾. Чѣмъ же объясняется то обстоятельство, что бойкотъ потерпѣлъ именно въ московской рабочей средѣ поражение и одержалъ черезъ нѣсколько дней въ Петербургѣ побѣду?

Трудно отвѣтить на этотъ вопросъ. Быть можетъ, сыграла здѣсь извѣстную роль болѣшая приближенность московскихъ „меньшевиковъ“ къ рабочимъ массамъ. Быть можетъ, участіе въ выборахъ явилось своего рода протестомъ противъ непопулярной тактики мѣстнаго комитета. Быть можетъ, отдѣльные сознательные рабочіе уразумѣли въ послѣдній моментъ всю опасность бойкота и успѣли вскрыть ее во время предъ своими товарищами. Каждый изъ этихъ и аналогичныхъ имъ факторовъ, въ отдѣльности, и всѣ они, вмѣстѣ взятые, свидѣтельствуютъ несомнѣнно о чрезвычайной шаткости какъ самой партійной позиціи нашихъ социаль-демократовъ, такъ и рекомендуемой ими рабочему классу тактики

* * *

Для всѣхъ оппозиціонныхъ общественныхъ группъ участіе въ выборахъ сопряжено съ извѣстными жертвами; для про-

ставители тифлисскаго, мингрельскаго, озургетскаго, бакинскаго, кутаискаго и другихъ округовъ, рѣшено значительнымъ большинствомъ голосовъ (10 противъ 4) участвовать въ избраніи выборщиковъ и уполномоченныхъ („Наша Жизнь“, 7 марта). Противъ бойкота высказались *ревельскіе* социаль-демократы. Къ такому же рѣшенію склоняются, повидимому, социаль-демократическія рабочія организаціи въ *Кіевѣ*. (Ibid. 5 марта).

¹⁾ „Рабочій листокъ“, органъ московскаго комитета, № 1.

летаріата—съ большими, конечно, чѣмъ для другихъ классовъ. Съ этой точки зрѣнія бойкотъ выборовъ, которые не могутъ дать рабочимъ сколько-нибудь значительнаго числа мѣстъ въ думѣ, имѣеть *нѣкоторый* смыслъ. Но послѣ того, какъ партія призывала недавно своихъ приверженцевъ не останавливаться предъ такими жертвами, какихъ требуетъ вооруженное возстаніе, новый лозунгъ ея — не давать полиціи „готовые списки арестуемыхъ“ ¹⁾—долженъ лишь быть отнять у рабочихъ послѣдніе остатки бодрости, заставить ихъ махнуть рукой на свое ближайшее будущее. Угнетенное состояніе духа однихъ, въ связи съ тупымъ безразличіемъ другихъ, являются главнѣйшею движущей силой бойкота. Печатью ужаса отмѣчено было во многихъ мѣстахъ отношеніе рабочихъ къ выборамъ уполномоченныхъ. На петербургскихъ фабрикахъ царило 5 марта не насгроеііе торжествующаго протеста, съ такой силою обнаружившееся годъ тому назадъ въ отказѣ рабочихъ отъ участія въ комиссіи Шидловскаго, а крайняя подавленность и безотчетный испугъ—злѣйшіе враги всякой сознательности.

Гнетущая моральная обстановка, созданная назойливымъ правительственнымъ вмѣшательствомъ въ избирательную кампанію, заранѣе обезпечивала бойкоту успѣхъ. Зерно социаль-демократической агитаціи пало на вспаханную и вздѣланную администраціей почву. При діаметральной противоположности своихъ интересовъ и стремленій, полиція и социаль-демократія дѣйствовали въ данномъ случаѣ другъ другу на руку. Социаль-демократы хотѣли провести бойкотъ. Полиціи нужно было фальсифицировать выборы. Въ петербургскомъ рабочемъ районѣ и то, и другое достигнуто было.

* * *

Въ качествѣ *демонстраціи* бойкотъ, осуществленный въ одномъ мѣстѣ и совершенно неудавшійся въ другомъ, теряетъ всякое значеніе. Если бы пролетаріатъ, въ подавляющемъ своемъ большинствѣ, отказался по всей Россіи отъ участія въ выборахъ, если бы къ наиболѣе прогрессивнымъ организованнымъ рабочимъ присоединились повсюду широкіе круги городского населенія, это могло бы несомнѣнно произвести на бюрократію и реакціонные элементы общества

¹⁾ Н. Ленинъ и Ф. Данъ. Двѣ тактики, стр. 3.

извѣстное устрашающее впечатлѣніе. Но при невозможности собрать подъ знамя бойкота однихъ даже только социаль-демократическихъ рабочихъ, число которыхъ очень еще невелико, слѣдовало, конечно, отказаться отъ попытки примѣнить это средство. По такимъ вопросамъ, какъ участіе въ первыхъ парламентскихъ выборахъ или уклоненіе отъ нихъ, не должно быть *въ партіи* двухъ мнѣній. При разномгласіи, которое проникаетъ такъ глубоко, ни одно изъ постановленій ея не можетъ имѣть сколько-нибудь авторитетнаго значенія. Частичный бойкотъ пройдетъ совершенно незамѣтно для правительства, ухудшитъ во многихъ мѣстахъ общій итогъ выборовъ и нанесетъ сильнѣйшій ударъ престижу самой социаль демократіи. Было бы, поэтому, чрезвычайно разумно исправить, пока еще не совсѣмъ поздно, ошибку и предупредить повтореніе такихъ случаевъ, когда отъ фабрикъ съ весьма сознательнымъ, по преимуществу, составомъ рабочихъ избирались уполномоченные изъ числа членовъ „союза активной борьбы съ революціей“. *Но это слѣдуетъ сдѣлать, конечно, немедленно и съ недопускающей никакихъ сомнѣній опредѣленностью.*

Если бы, впрочемъ, голова бойкотистовъ не была наполнена фантомами, они уразумѣли бы всю безцѣльность специальной демонстраціи пролетаріата противъ Думы 11-го декабря. Кто пытается отрицать, что избирательный законъ бросаетъ рабочимъ жалкую подачку, совершенно несоотвѣтствующую ихъ первенствующей роли въ освободительномъ движеніи? Для кого не ясно, что правительство созываетъ Думу лишь вслѣдствіе острой нужды въ деньгахъ? Кто не понимаетъ, что при полномъ отсутствіи гарантіи личной неприкосновенности и свободы собраній, представляется часто невозможнымъ провести въ парламентъ челоуѣка, пользующагося довѣріемъ большинства мѣстнаго населенія? Кому еще приходится объяснять, что въ государствѣ, чуть не сплошь находящемся на военномъ положеніи, выборы могутъ лишь при исключительномъ подъемѣ общественнаго настроенія дать его болѣе или менѣе вѣрное отраженіе?.. Въ сознаніи широчайшихъ слоевъ русской публики это уже давно — рядъ не требующихъ доказательства истинъ. Подчеркивать ихъ снова, значить растрачивать попусту силы, ломиться въ открытую дверь.

Народъ такъ многому за послѣднее время научился,

власти такъ неискусно, такъ грубо гнуть свою линію, что никому уже больше не угрожаетъ опасность быть введеннымъ въ заблужденіе. Нельзя придумать такого манифеста, который заставилъ бы насъ теперь, какъ было послѣ 17-го октября, хоть на одинъ только моментъ забыть, на что способна бюрократія. Политика правительства лишаетъ всякихъ шансовъ на успѣхъ намѣреніе его фальсифицировать при помощи будущей Думы общественное мнѣніе страны. И чѣмъ болѣе широкіе круги населенія примутъ активное участіе въ выборахъ, тѣмъ яснѣе для всѣхъ станетъ обманъ. Это прекрасно, между прочимъ, понимаютъ и наши „меньшевики“, сдѣлавшіе все, что отъ нихъ зависѣло для того, чтобы предупредить, по возможности, бойкотъ. „Пусть,—говоритъ г. Данъ—правительство отмѣнить созывъ думы, пусть оно проводить *бойкотъ* думы — его позиція будетъ потеряна! Пусть даже оно соберетъ думу, которая *совершенно ясно для всѣхъ* (курс. мой.) будетъ выбрана при господствѣ бѣлаго террора, съ исключеніемъ всѣхъ сколько-нибудь прогрессивныхъ партій, съ арестами и высылками ихъ членовъ, съ висѣлицами и разстрѣлами! Если только такая дума явится *не результатомъ самоустраненія профессиональных элементовъ* (к. м.), а результатомъ явнаго насилія правительства, явнаго для рабочихъ, явнаго для крестьянъ, для городского мѣщанства, для европейской буржуазіи, — и въ этомъ случаѣ положеніе правительства безнадежно: ни успокоенія, ни займа ему не видать, какъ своихъ ушей, оно погибнетъ въ минуту своего видимого торжества“ ¹⁾.

Противъ бойкота категорически высказался затѣмъ въ своихъ „Дневникахъ“ Г. В. Плехановъ ²⁾ и въ общей прессѣ Н. И. Горданскій ³⁾. Плехановъ считаетъ бойкотъ недопустимымъ уже потому, что этого средства совершенно не могли бы понять многомилліонныя массы крестьянства. Онъ ожидаетъ, кромѣ того, отъ участія въ выборахъ неисчислимыхъ выгодъ для революціи. Отказавшись отъ своихъ обычныхъ полемическихъ приемовъ, старый вожь съ большой мягкостью, но въ то же время съ беспощадной логикой вскрываетъ дефекты официальной социаль-демокра-

¹⁾ Цитируемая брошюра, стр. 30.

²⁾ № 3, стр. 19, № 4, стр. 15.

³⁾ „Міръ Божій“, февраль 1906 г.

тической тактики, объясняя ихъ общей неподготовленностью нашихъ „марксистовъ“ къ выполнению грандіозной задачи организаціи пролетаріата. Эти люди все путаютъ, на каждомъ шагу нарушая совѣты своего безсмертнаго „учителя“. Они мало читали вообще, но меньше всего знакомы, повидимому, съ Марксомъ. Шествуя по стопамъ „истинныхъ нѣмецкихъ социалистовъ“, круто порвавшихъ въ революціонное время съ либеральной буржуазіей, они и не подозреваютъ, что въ коммунистическомъ манифестѣ этотъ приѣмъ подвергся жестокой и всеуничтожающей критикѣ. На третьемъ съѣздѣ ораторъ, докладывавшій о вооруженномъ возстаніи, совершенно невѣрно изложилъ относящееся сюда мнѣніе Маркса, и среди присутствовавшихъ не нашлось ни одного человѣка, который замѣтилъ бы эту грубую ошибку, воплотившуюся затѣмъ въ партійной тактикѣ социаль-демократовъ. „Это уже не смѣхъ, — восклицаетъ Плехановъ, — а горе!“.

Да, это поистинѣ великое горе! И для того, чтобы оно не приобрѣло рокового для пролетаріата значенія, необходимо съ полной откровенностью, не щадя личныхъ симпатій, говорить о прегрѣшеніяхъ своихъ друзей и союзниковъ. Когда это дѣлаютъ „буржуазные писатели“, имъ бросаютъ обыкновенно упрекъ въ измѣнѣ революціонному движенію. Но такова вообще участь людей, дерзающихъ возставать противъ укоренившихся въ извѣстной средѣ заблужденій и предразсудковъ. Въ 1850 г. клички предателей удостоились... Марксъ и Энгельсъ, вина которыхъ состояла въ томъ, что они считали, вопреки мнѣнію большинства, первую часть революціоннаго періода законченной. А что стало съ хранившимъ „завѣты“ большинствомъ. Не прошло и пятнадцати лѣтъ, какъ оно заключило миръ... съ Бисмаркомъ.

Конечно, положеніе „буржуазныхъ писателей“ до крайности затрудняется образомъ дѣйствій правительства. Издавая законъ, угрожающій за призывъ къ воздержанію отъ выборовъ тяжелой карой, министерство Дурново-Витте-Акимова окружаетъ проповѣдниковъ этого средства ореоломъ мученичества, который принесетъ, конечно, гораздо больше пользы дѣлу бойкота, чѣмъ краснорѣчивѣйшіе доводы его защитниковъ. Самая нелѣпая рѣчь можетъ сотворить чудо, если произнесшій ее ораторъ арестованъ будетъ, по удаленіи съ трибуны или по выходѣ изъ собранія, полиціей. Законъ

11-го марта ¹⁾ возвращаетъ „бойкотистамъ“ симпатіи, совсѣмъ было ими за послѣднее время утраченныя.

Но что бы ни дѣлали наши мудрые правители для укрѣпленія нравственной позиціи сторонниковъ бойкота, нельзя молчать. *Periculum in mora!* Нельзя дожидаться того времени, когда рабочіе сами убѣдятся въ гибельной тактикѣ „соціалъ-демократовъ“. Необходимо обратиться къ рабочимъ съ энергическою проповѣдью *реальной* политики. Это, прежде всего,—обязанность тѣхъ элементовъ русской *соціалъ-демократіи*, которые не порвали еще всякой связи съ марксизмомъ. *Руководительство рабочими массами должно принадлежать социалистамъ*. Но для того, чтобы они не были сильнѣйшимъ образомъ скромпрометированы въ глазахъ пролетаріата, необходимо безпощадно разоблачать дѣйствія тѣхъ „соціалъ-демократовъ“, отъ которыхъ съ такимъ ужасомъ отрешивался въ свое время *Марксъ*. „Moi, je ne suis pas Marxiste!“,—воскликнулъ онъ, узнавъ, какъ нѣкоторые изъ „товарищей“ толкуютъ его теорію соціальнаго развитія. Что сказалъ бы Марксъ о нашихъ бойкотистахъ?

Г. Штильманъ.

¹⁾ § 2-ой этого закона гласитъ:

2. Виновный въ возбужденіи къ противодействию выборамъ въ государственный совѣтъ или государственную думу или къ массовому воздержанію отъ участія въ сихъ выборахъ наказывается: заключеніемъ въ тюрьмѣ отъ четырехъ до восьми мѣсяцевъ.

Замѣтки публициста.

I. Имѣ.

Вы ссылали и заточали тысячи людей, вы съкли страну, вы ее разстрѣливали, вы ее заушали, вы надъ ней надругались вволю, и вы думали, что послѣ всего этого Россія, какъ забитая деревенская „баба“, бухнется на „выборахъ“ вамъ въ ноги и будетъ на васъ „взглядывать“, и вы заставите ее, замученную и покорную, золотить и укрѣплять собственными руками свою темницу.

Вы обманулись.

И признайтесь, что послѣ этого самое простое и единственно разумное — убраться во-время и заставить поскорѣе забыть о себѣ.

II. Народная партія свободы.

Партія народной свободы одерживаетъ на выборахъ блестящія побѣды. На глазахъ у всѣхъ она выросла въ большую національную силу. Было время, когда партія эта казалась размолотою между двумя жерновами — реакціи и „революціи“. Въ моментъ второго съѣзда къ ней относились чуть что не иронически и справа, и слѣва. Въ это время изъ партіи вышелъ кн. Е. Н. Трубецкой, написавшій, что надъ нею „тяготѣетъ какой-то злой рокъ“.

Еще передъ самыми выборами многіе крайніе лѣвые го-

ворили о партіи съ великолѣпнымъ, если не презрѣніемъ, то, во всякомъ случаѣ, снисхожденіемъ.

Но партія работала и росла въ своей работѣ. Въ ней было живо сознаніе, что ея программа отвѣчаетъ интересамъ народа, что предпринимаемая ею организація общественнаго мнѣнія есть единственный вѣрный способъ утвержденія и конституціи, и демократіи. И она была убѣждена, что ея широкіе принципы и ея творчески-организуемая работа рано или поздно восторжествуютъ и надъ обывательской косностью, и надъ буржуазнымъ испугомъ, и надъ сектантскимъ устремленіемъ взора въ одну точку. И это совершилось.

Партія народной свободы—трудами ея участниковъ и силою вещей—превратилась въ народную партію свободы и собрала подъ свое знамя подавляющее большинство сколько-нибудь сознательныхъ демократическихъ элементовъ Россіи.

За этими успѣхами *партіи*—какъ я уже указывалъ въ другомъ мѣстѣ ¹⁾—скрывается цѣлый огромный культурный переворотъ, сблизившій въ Россіи на политической почвѣ двѣ „націи“, на которыя раздѣлили русскій народъ вѣка соціальнаго угнетенія и политическаго произвола, соединившихся для того, чтобы держать народъ отрѣзаннымъ отъ образованія и образованности. Это разъединеніе „народа“ и „интеллигенціи“ было тѣмъ якоремъ, на которомъ держался корабль стараго порядка. Теперь съ этимъ покончено. Совершился переворотъ всемірно-историческаго значенія, единственный, быть можетъ, въ исторіи по своей широтѣ и глубинѣ. Еще нигдѣ политическій переворотъ не имѣлъ такого основнаго, рѣшающаго для культуры страны значенія, какъ въ Россіи, ибо нигдѣ политическій строй не опредѣлялся въ такой мѣрѣ культурнымъ состояніемъ страны. Въ этомъ смыслѣ наша русская революція, якобы столь сѣрая,

¹⁾ „Рѣчь“, № 33, отъ 28 марта 1906 г.

неяркая, забираетъ гораздо глубже даже, чѣмъ великая французская революція, не говоря уже о революціяхъ 1848 года. „Политическое“ здѣсь такъ сплетено съ „культурнымъ“, какъ этого не было еще ни въ одной революціи.

Наше скудное, упрощенное прошлое съ его всемогущей государственностью и безформенной общественностью сдвинуло, сгрудило политическій и культурный переворотъ.

Партія народной свободы, ставъ народной партіей свободы, взяла на свои плечи огромную политическую отвѣтственность.

Отвѣтственность эта тѣмъ болѣе велика, что всеобъемлющее и рѣшающее значеніе культурно-политическаго переворота, зарегистрированнаго выборами въ Государственную Думу, совершенно недоступно нашимъ правительствующимъ лицамъ. Эти маленькіе люди способны переживать исторію и ея великіе шаги только какъ этапы ихъ собственной карьеры или какъ событія придворной жизни: они органически не понимаютъ ничего великаго и коренного.

Это непониманіе практически часто граничитъ съ безуміемъ. Нечего себѣ дѣлать иллюзіи: въ событія ближайшаго будущаго крупнымъ слагаемымъ войдетъ это тупое, ползающее по землѣ, подслѣповатое безуміе. Нужно заранѣе готовиться къ тому, чтобы побороть его до конца, **в ы т р а в и т ь** безъ остатка изъ русской жизни.

Оно еще будетъ упираться. Ему непонятенъ простой и въ тоже время великій фактъ: родилась нація. Значеніе выборовъ тѣмъ и огромно, что въ немъ выразился этотъ фактъ. Народъ приобрѣлъ единство политическаго сознанія и государственной воли, сталъ націей. Въ № 1 „Полярной Звѣзды“, нынѣ приостановленной по постановленію прессы-чиновниковъ г. Акимовъ, я писалъ: „Въ безконечныхъ мукахъ рождается нація и ея право. Нація еще не родилась и не нашла своего права. Управляютъ Витте и Дурново; издаетъ приказы по пролетаріату Совѣтъ рабочихъ депутатовъ; но власти

нѣтъ, ибо теперь уже не можетъ быть власти надъ націей и внѣ націи. Народъ подобенъ еще тягучему раствору, въ который должна быть брошена какая то твердая крупница для того, чтобы эта безформенная масса превратилась въ упругій и сверкающій кристаллъ націи“.

Твердой крупницей этой была *демократическая идея*, брошенная въ народъ партіей народной свободы не просто какъ агитаціонное и возбудительное средство, а какъ организирующая и скрѣпляющая сила.

Когда то Катковъ, торжествуя окончательную побѣду бюрократической реакціи, провозгласилъ: „встаньте, господа, правительство идетъ“!

Встаньте, господа—скажемъ мы теперь—идетъ нація!

Петръ Струве.

Редакція обращается къ авторамъ и издателямъ съ просьбой присылать свои книги для отзыва.

Списокъ поступающихъ въ редакцію книгъ печатается въ каждомъ № „Свободы и Культуры“.

Книги, поступившія въ редакцію съ 16 по 29 марта:

Алтаевъ, А. Подъ знаменемъ башмака. Изд. „Библиотеки Юнаго Читателя“. Спб. 1906 г. 275 стр. Ц. 50 к.

„Библиотека Юнаго Читателя“. Томасъ Альва Эдисонъ. Спб. 1906 г. 96 стр. Ц. 20 к.

Бурггардъ, Я. Культура Италіи въ эпоху возрожденія. Переводъ С. Бриліанта. Изд. М. Пирожкова. Спб. 1905 г. Т. I (427 стр.) и II (404 стр.). Цѣна за оба тома 5 р.

Волькенштейнъ, О. Страна равенства и свободы. Изд. „Трудъ и Воля“. Спб. 1906 г. 61 стр. Ц. 10.

Ея же. Какъ и почему возникла великая французская революція 1789 г. Спб. 1906 г. 79 стр. Ц. 20 к.

Волонтеръ. Русско-японская война. Изд. „Новый Міръ“. Спб. 1905 г. 189 стр. Ц. 50 к.

Грей, И. Рабочій вопросъ и земельная реформа. Изд. „Молодая Россія“. Москва 1906 г. 80 стр. Ц. 25 к.

Гуго и Штегманъ. Справочная книга социалиста. Перев. подъ редакц. В. Богучарскаго и Л. Марковича. Изд. „Голосъ“. Спб. 1906 г. 462 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Дружининъ, Н. Что такое конституція и зачѣмъ она нужна народу? Изд. „Наша Жизнь“. Спб. 1906 г. 24 стр. Ц. 5 к.

Жановъ, Н. Теорія переменнаго и предѣла въ гносеологін и въ исторіи познанія. Изд. Пирожкова. Спб. 1906 г. 164 стр. Ц. 1 р.

Зиновьева, Э. Нормальный рабочий день какъ право. Изд. „Внѣшкольное Образование“. Спб. 1906 г. 102 стр. Ц. 25 к.

Удпасу. Чѣмъ должно быть право. Спб. 1906 г. 27 стр.

Къ черногному собору. Сборникъ. Спб. 1906 г. 269 стр. Ц. 1 р.

Мережковский, Д. Грядущій хамъ. Изд. М. Пирожкова. Спб. 1906 г. 185 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Петропавловскій, С. Къ философіи лжи. Спб. 1906 г. 64 стр. Ц. 15 к.

Пименова, Э. Среди японскихъ бѣглецовъ. Изд. „Библиотеки Юнаго Читателя“. Спб. 1906 г. 158 стр. Ц. 25 к.

Родбертусъ. Капиталъ. Перев. І. Давыдова. Изд. „Начало“. Спб. 1906 г. 208 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Русская грамота. Азбука и чтеніе послѣ азбуки. Составл. Е. Соловьевой и Е. И. и Л. И. Тихѣевыми. Спб. 1905 г. 100 стр. Ц. 1 р.

Святловскій, В. Къ исторіи политической экономіи и статистики въ Россіи. Изд. „Начало“. Спб. 1906 г. 200 стр. Ц. 1 р.

Серебряновъ, Е. Очеркъ по исторіи „Земли и Воли“. Изд. „Своб. Трудъ“. Спб. 1906 г. 60 стр. Ц. 20 к.

Сокальскій, Л. У подножья агрономическаго перевала. Одесса 1905 г. 47 стр.

Союзъ ревнителей церковнаго обновленія. Объ отношеніи церкви и священства къ современной общественно-политической жизни. Спб. 1906 г. 20 стр. Ц. 5 к.

Тимофеевъ, П. Чѣмъ живетъ заводскій рабочій. Изд. журн. „Русское Богатство“. Спб. 1906 г. 117 стр. 40 к.

Толстой Л. Къ политическимъ дѣятелямъ. 32 стр. Ц. 5 к.

Его же. Обращеніе къ духовенству. 31 стр. Ц. 5 к.

Его же. Отвѣтъ синоду. 16 стр. Ц. 3 к.

Его же. Патріотизмъ и правительство. 32 стр. Ц. 5 к.

Его же. Письмо къ либераламъ. 16 стр. Ц. 3 к.

Его же. Приближеніе конца. 64 стр. Ц. 8 к.

Шеффле, А. Квинтэссенція социализма. Перев. Ю. Филиппова. Изд. Козицына и Филиппова. Спб. 1906 г. 59 стр. 25 к.

Якимовъ, В. Голодь. Изд. „На разсвѣтъ“. Спб. 1906 г. 31 стр. Ц. 15 к.

Издательница М. Н. Могилянская. Редакторъ С. Л. Франкъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ пользу недостаточныхъ

АМНИСТИРОВАННЫХЪ

продается третье изданіе книги

„МЫСЛИ ОБЪ ОСНОВАХЪ НРАВСТВЕННОСТИ“

проф. Н. И. Карѣва.

Цѣна 40 к. Главный складъ при типографіи М. М. Стасюлевича

(Вас. О., 5 лин., д. 28).

„ЛИТЕРАТУРНАЯ КНИЖНАЯ ЛАВКА“
ИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
М. В. ПИРОЖКОВА
(Спб., В. О., Большой пр., 6)

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА
„ТРИЛОГИЮ“ Д. С. Мережковского

подъ названіемъ „ХРИСТОСЪ и АНТИХРИСТЪ“,

состоящую изъ трехъ частей:

- 1) **Смерть боговъ** (Юліанъ Отступникъ)
- 2) **Воскресшіе боги** (Леонардо да-Винчи)
- 3) **Антихристъ** (Петръ и Алексѣй).

Первая часть выйдетъ въ апрѣлѣ, вторая—въ маѣ и третья—въ іюнѣ, въ двухъ изданіяхъ—простомъ и изящномъ. Цѣна по подпискѣ на всю „Трилогію“ въ простомъ изданіи—**4 р. 50 к.**, въ изящномъ—**7 р. 50 к.**

При подпискѣ вносится **2 р.** (на изящное изд. **3 р.**) и къ 1 апрѣля остальные **2 р. 50 к.** (на изящное изд. **4 р. 50 к.**)

По выходѣ въ свѣтъ цѣна будетъ повышена.

Кромѣ того, печатаются еще слѣдующія книги:

- 1) **МЕРЕЖКОВСКІЙ, Д. Пророкъ русской революціи** (къ юбилею Достоевскаго).
- 2) **Вѣчные спутники.** 3-е изданіе.
Это сочиненіе будетъ выходить отдѣльными, вплоть законченными, выпусками. Первый выпускъ будетъ посвященъ ПУШКИНУ.
- 3) **ГИППІУСЪ (Мережковская). Алый мечъ.** Четвертая книга разсказовъ.
- 4) **Новые люди.** Первая книга разсказовъ. 2-ое изданіе.
- 5) **МЕТЕРЛИНКЪ. Полное собраніе сочиненій,** въ трехъ томахъ. Съ портретомъ, исполненнымъ геліографіею. Все изданіе иллюстрировано художникомъ *К. Рерихомъ*.
- 6) **ЩАПОВЪ. Собраніе сочиненій,** въ трехъ томахъ. Съ портретомъ.
- 7) **ГАЛИНА. Предразсвѣтныя пѣсни.** Собраніе стихотвореній.
- 8) **МОГИЛЯНСКІЙ, МИХ. Усталые,** драма въ 3 д.
- 9) **ПОССЕ. Дифференціальное и интегральное исчисленіе.** 3-е изданіе.
- 10) **СЕРРЕ. Дополненія къ теоріи круговыхъ функцій**
и другія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на **НОВЫЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ**
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ И КУЛЬТУРНО-ФИЛОСОФСКІЙ
ЖУРНАЛЪ
СВОБОДА И КУЛЬТУРА

издается подъ редакціей **С. Л. Франка** при ближайшемъ участіи **Петра Струве**.

Въ составъ постоянныхъ сотрудниковъ вошли: **Н. А. Бердяевъ, С. Н. Булгаковъ, В. И. Вернадскій, В. М. Гессенъ, И. М. Гревсъ, Э. Д. Гриммъ, В. Э. Денъ, В. В. Ельашевичъ, Д. Е. Жуковскій, А. С. Ивгоевъ, А. А. Кауфманъ, А. А. Кизеветтеръ, Б. А. Кистяковский, Н. А. Котляревскій, С. А. Котляревскій, Н. О. Лосскій, Д. С. Мережковский, В. Д. Набоковъ, В. М. Нечаевъ, П. И. Новгородцевъ, Д. Н. Овсянко-Куликовский, М. Я. Острогорскій, И. И. Петрункевичъ, Г. А. Покровскій, А. Е. Прѣсняковъ, Ф. И. Родичевъ, М. Туганъ Барановскій, Д. В. Философовъ, А. А. Чупровъ, Л. Шестовъ, Г. Н. Штальманъ и др.**

Условія подписки: съ дост. и перес. на годъ 6 р., на 9 мѣс. (до 1 Января 1907 г.)—4 р. 50 к., на полгода 3 р. 50 к., на 3 мѣсяца 2 р. За границу на годъ 8 р., на 9 мѣс.—6 р., на полгода 4 р. 50 к., на три мѣс. 3 р.

Въ отдѣльной продажѣ книжки стоятъ по 20 коп.

Адресъ редакціи: Вознесенскій просп. 31, кв. 8. Телеф. 248. 75.

Редакція для личныхъ объясненій съ сотрудниками открыта по вторникамъ отъ 3 до 5 ч.

Контора помѣщается въ квартирѣ книгоиздательства **М. В. ПИРОЖНОВА** (Вас. О., Большой пр., д. 6). Телефонъ 203. 70.

Подписка принимается, кромѣ конторы, во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ.

По соглашенію между издателями журнала „Свобода и Культура“ и пріостановленнаго постановленіемъ Судебной палаты журнала „Полярная Звѣзда“, подписчики „Полярной Звѣзды“ будутъ получать журналъ „Свобода и Культура“.

Издательница: *М. Ж. Могилянская.*

Цѣна 20 коп.

GAYLORD

BROS., INC.

Manufacturers

Syracuse, N. Y.

Stockton, Calif.

YC 71558

M303819

DK1

S78

no.1

THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY

